

ОКОЛКИ

ЕВГЕНИЙ ТОКТАСОВ

18+

Евгений Токтаев

Осколки

«Автор»

2026

Токтаев Е. И.

Осколки / Е. И. Токтаев — «Автор», 2026

Альтернативная история. После смерти Александра Македонского, один из его полководцев, Мелеагр, взбешенный тем, что все прочие хотят сделать царём ещё не рождённого сына Роксаны, царицы-варварки, поднимает мятеж и убивает её. Мятеж жестоко подавлен, но дело сделано. Последним из царского рода Аргеадов остаётся Геракл, сын Александра от наложницы Барсины, дочери сатрапа Артабаза. Александр не признал ребёнка законным. Мальчику 4 года. Он живёт с матерью в Пергаме, во владениях её покойного отца. Эвмен, секретарь Александра, встревоженный судьбой Геракла, посылает верного человека, чтобы он спрятал Барсину и ребёнка от преемников царя. До поры.

© Токтаев Е. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

28 день таргелиона первого года 114-й Олимпиады, Вавилон	6
Глава 1. Пыль и пепел	16
Семь лет спустя. Середина зимы четвёртого года 115-й Олимпиады	16
Три дня спустя	31
Нисса, Каппадокия. Четыре месяца спустя	37
Глава 2. Семья	43
Год спустя. Начало весны. Родос.	43
Глава 3. Падение	52
Месяцем позже. Библ, Финикия	52
Глава 4. О том, как полезно знать ремёсла	62
Окрестности Сидона	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгений Токтаев

Осколки

Автор благодарит историка Максима Нечитайлова за помощь в работе над книгой.

В дворцовых дневниках говорится, что Пифон, Аттал, Демофонт и Певкест, а затем Клеомен, Менид и Селевк легли спать в храме Сараписа, чтобы узнать у бога, не будет ли полезнее и лучше принести Александра в храм и умолять бога об излечении. Раздался голос, исходивший от бога: не надо приносить Александра; ему будет лучше, если он останется на месте. "Друзья" так и объявили; Александр же умер, словно смерть и была для него лучшим уделом. Почти то же самое написано у Аристобула и Птолемея. Записали они следующее: "друзья" спросили у Александра, кому он оставляет царство? Он ответил: "Наилучшему". Другие рассказывают, что к этому слову он прибавил ещё: "Вижу, что будет великое состязание над моей могилой"

Флавий Арриан. "Поход Александра".

Пролог

28 день таргелиона первого года 114-й Олимпиады, Вавилон

1

Огонь. Всюду огонь. На багровом закатном небосводе ослепительный диск увяз в раскалённом воздухе и никак не доползёт до горизонта. На волосок продвинуться осталось, а он застыл. Время остановилось.

Он никогда не закончится, этот день...

Всюду огонь. Там, за северной стеной тысячи костров. На юге тёмная громада зиккурата Этеменанки опоясана цепочкой огней. Огни на стенах, на улицах, на крышах. Этот город не уснёт сегодня.

Он не спит, но и не бодрствует привычно, он будто затаил дыхание.

Долгобородый Уту-Шамаш, даром что бог не из последних, изо дня в день не может разогнать муравьиную толкотню на улицах и площадях древнего города, величайшего в Ойкумене. А может Шамаш и не пытается. Вдруг он вообще спит и позабыл про смертных, а слуги его разленились, и никто не торопится катить огненное колесо? Вот оно и жарит нестерпимо. Но не со зла. Равнодушно.

А может Шамаш не спит? Может он мёртв?

Чушь какая... Разве может бог умереть?

Может. Сегодня в Вавилоне умер бог.

Душно. Вступающая в свои права ночь не спешит даровать прохладу измученному городу. Иссушенная кожа жаждет живительного прикосновения ветерка, но на него нет даже намёка.

Солнце, наконец, коснулось горизонта, значит, всё-таки этот нескончаемый день завершится.

¹ 10 июня 323 года до н.э. Древние греки вели счёт лет по Олимпиадам. Самые первые Олимпийские Игры состоялись в 776 году до н.э. Это летоисчисление введено Тимеем Сицилийским в III веке до н.э., то есть позже описываемых событий.

Человек, обозревавший бесконечные огни на правом берегу Евфрата с верхней западной террасы дворца Навуходоносора, медленно, с усилием провёл ладонью по лицу, стирая липкий пот. Повернулся и зашагал к лестнице, ведущей вниз. На пути ему не раз попадались стражи. Обычно суровые и невозмутимые, сегодня они смотрели ему вслед испуганно. Он их не замечал. Его путь был долог. Узкие коридоры, открытые террасы, лестницы. Наконец, он подошёл к неприметной двери, которую никто не охранял, открыл её и вошёл внутрь небольшой комнаты, слабо освещённой масляной лампой. Здесь почти не было вещей, только пустой стол прямо под квадратным световым отверстием в потолке. В дальней стене темнел проход в другую комнату.

Там, в её глубине поднялась человеческая фигура, невысокий едва различимый силуэт.

– Масло почти прогорело, – сказал вошедший мужчина, – не жутко в темноте сидеть?

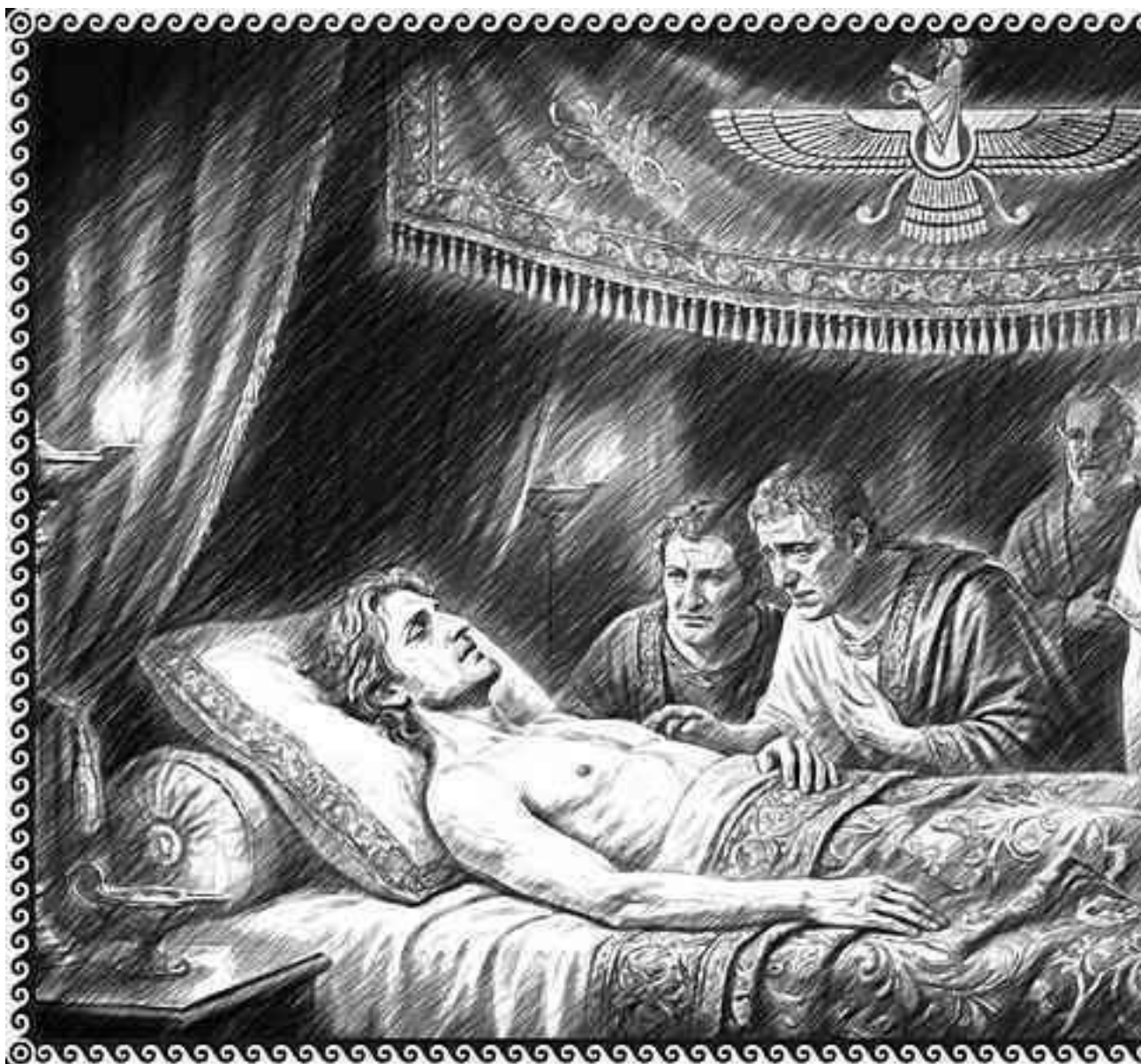
– Солнце только зашло, – ответил мелодичный женский голос.

– Я думал, оно сдохло там, – буркнул вошедший, – не двигалось вообще. Все сегодня мрут, как сговорились...

Женщина выступила на свет. Невысокая, загорелая, черноволосая, она была просто сказочно красива. Возраста не определить. Вернее, всякий, незнакомый с ней, ни за что не угадал бы его. Скостил бы лет десять по меньшей мере, а то и все пятнадцать. А между тем женщине исполнилось уже тридцать три, совсем старуха по меркам местных варваров. Да и у эллинов бы ей пристало называться почтенной матерью пары взрослых сыновей. Сына она пока родила одного и было ему три года.

- Как ты можешь так... – голос женщины дрогнул.
- Я теперь многое могу, Таис, – сказал мужчина, – чего раньше не мог.
- Он... ушёл? – прошептала женщина.
- Да, – ответил мужчина.

Женщина закрыла лицо руками.

– Пойдём в спальню, – предложил мужчина, – хочу прилечь. Ноги, как свинцом налиты. Он прошёл в тёмную комнату и тяжело опустился на ложе. Женщина под села на краешек.

– Я слышала крики. Там, в восточном крыле, под садами. Будто его штурмовали...

– Они пытались. Мелеагр пытался. Кто-то из пехоты, я не уследил, кто, выкрикнул имя Арридея. Мелеагр притащил с собой на совет человек двадцать, и они все подхватили. Я уверен, сговорились заранее. Изобразили праведный гнев, будто мы намерены обойти бедного идиота.

– Кого вы хотели выбрать? – спросила Таис-афинянка, злой рок Персеполя.

– Неарх предложил Геракла. Первым. Но его не поддержали. Загудели недовольно. Потом Пердикка взял слово и предложил ждать, пока не родит Роксана. Если мальчик, он будет царём, а Пердикка при нём регентом до совершеннолетия.

– Почему Пердикка?

– Он хилиарх. Он принял перстень Александра. Да и самый родовитый из присутствующих. Не считая, разве что, Леонната.

– По приметам у Роксаны будет мальчик, – сказала Таис.

– Не будет... – буркнул мужчина.

– Почему?

Он очень долго не отвечал и Таис всем своим существом ощутила, как он подавлен.

– Пехота захотела Арридея. Не желают они ждать, и ребёнка варварки не хотят. То, что Арридей богами обижен, им наплевать. Они его и знать-то не знают. Им достаточно того, что кровь Филиппа в нём. А Мелеагр, конечно, роль регента при скорбном умом бедняге уже на себя примерил.

– И вы им возразили.

– Да. Так возразили, что чуть друг друга прямо там, возле тела неостывшего, резать не начали. В итоге вытолкали Мелеагра внашей. Он побежал в покои Арридея. Как все подумали. И я так же подумал. Мы не стали его преследовать. Не до того было. Я предложил разделить сатрапии.

– И вы рассорились теперь уже между собой, – предположила Таис.

– Нет, вполне мирно всё поделили, – буркнул мужчина, – вот только Мелеагр не к Арридею побежал, а к Роксане.

Таис схватила за сердце.

– Ты сказал – ребёнка не будет... Он её...

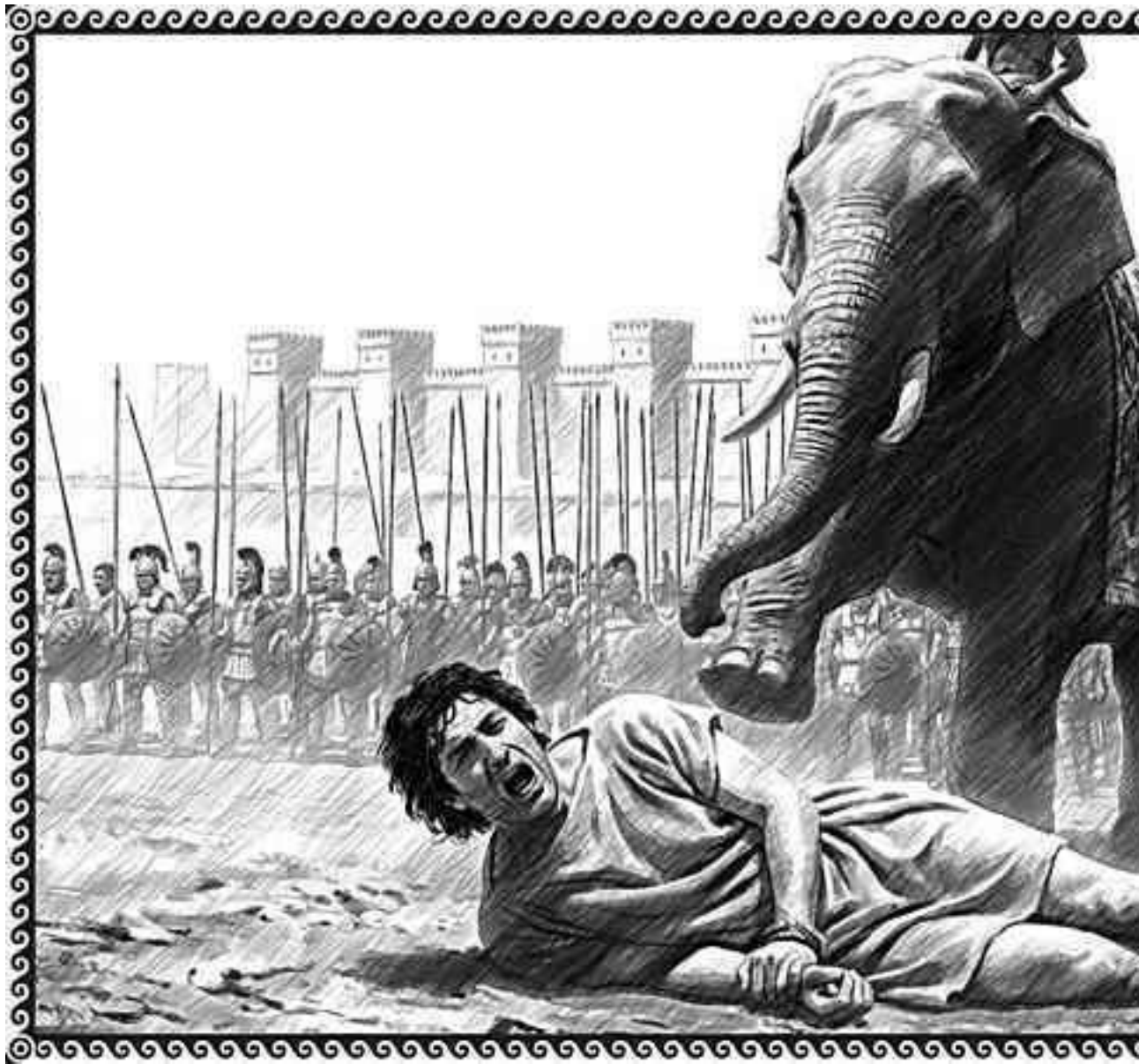
– Он её убил, – мрачно подтвердил мужчина.

– Боги... – прошептала афинянка, – как же это...

– Потом было большое кровопускание. Человек триста перебили. Жертвы богу Александру... Пердикка доказал, что достоин перстня. Действовал быстро, как... – мужчина не закончил фразы, но Таис и без слов всё поняла.

– Мелеагра казнили? – спросила она совсем тихо.

– Селевк прикончил в храме, куда тот прибежал прятаться, когда на поле всё закончилось. Несколько горлопанов уже после драки повязали и кинули слонам под ноги.

Они долго молчали, потом Таис решилась спросить:

– Что теперь с нами будет, Птолемей? Со всеми нами?

Птолемей, сын Лага, ответил:

– Ещё когда Роксана была жива, я предложил им выбрать царя. Не доверять диадему убождку, убогому и нерождённому полуварвару. Они отказались. Каждый хочет её себе. По ним так лучше пусть слабый варвар, или дурак, ими можно вертеть, как угодно. Лишь бы не подчиняться своим вчерашним товарищам. Ну а теперь... Что теперь? Царём всё-таки будет Арридей. Теперь он Филипп. Третий с таким именем из Аргеадов. Эти дураки слюни пускали от умиления, точь-в-точь, как он сам. Дескать – вылитый отец. Не то, что Александр. Кое-кто помянул эпирскую ведьму. Прибили на месте, за длинный язык...

– Что же будет с нами? – снова спросила Таис.

– Вы с Леонтиском едете со мной. Чем скорее, тем лучше.

– Куда?

– В Египет. Я отстоял его для себя и, боги свидетели, если потребуется, отстою не только на словах.

Таис безучастно кивнула.

– Ты не рада? Я думал, тебе нравилось там.

– Рада, – мёртвым голосом ответила афинянка, – там море, в Александрии. Я так долго не видела его...

Она легла и положила голову на грудь Птолемея, прижалась всем телом. Он обнял её.

– А регентом всё же будет Пердикка. Это решено. Александр вложил в его ладонь перстень. Хотя он скорее его просто выронил, пальцы не держали уже. Пердикка всё лез прямо к лицу Александра, всё спрашивал.

– Что спрашивал? – Таис чуть приподнялась на локте.

– Кому тот завещает царство. Как глупо. Сейчас нужно думать о тысяче важных вещей, а у меня из головы не идёт эта дурацкая мысль – что написать в дневнике. Последние слова величайшего из смертных.

– Какие они были?

– Он уже не мог говорить, Таис. Он ничего не сказал.

Заострённый кончик пустотелой тростинки танцевал над листом папируса. Эвмен писал очень быстро, но чёткость и красота букв от этого совсем не страдали, сказывалась многолетняя привычка, не зря же он с семнадцати лет сопровождал двух македонских царей со стилем и вошёной табличкой. Сын возчика из Кардии. Антиграф царя Филиппа. Архиграмматик царя Александра².

Часто-часто вздрагивал огонёк масляной лампы, бился, будто птичка-невеличка в силках. Если на мгновение поверить, что он и впрямь живой, то не мудрено понять, что за страх терзает неразумное существо. В непроглядной ночи по коридорам и залам дворца со стороны женской половины растекался надрывный плач. Даже не плач – вой, в котором оставалось совсем мало человеческого.

Бактрийская княжна, красавица Раухшана, Светлая, царица Роксана, жена повелителя Ойкумены, мертва. Она была непрадна, на седьмом месяце и клинок Мелеагра оборвал две жизни разом.

Старая Сисигамба, мать бывшего царя царей, Дарайавауша, Друга Правды и Справедливости, некогда принятая Александром с почестями, выплакала все глаза, отказывается от пищи. Благороднейший из смертных умер, кто теперь защитит её внучек? В бледные тени обратились младшие жёны Александра, Статира и Парисат. Обе не выходили с женской половины и даже не попрощались с умирающим повелителем, но ужас, что они пережили сегодня был куда как сильнее, чем тот, что выпал им на долю много лет назад, когда семья Дария оказалась в руках македонян.

Надолго в их памяти останется перекошенное злобой лицо Мелеагра, когда он с десятком сторонников ворвался в женские покои, перебив не ожидавшую нападения стражу, своих же вчерашних товарищей.

Камень в огород Эвмена – по долгу службы обязанный знать, или хотя бы угадывать, что на уме у каждого, кто близок к царю, такого поворота событий он просто не ожидал. Был уверен, что Мелеагр побежал за Арридеем, а тот направился совсем в другую сторону.

Но сейчас архиграмматик не покаывая своё папирусу доверял. Он умело подбирал слова, что должны предостеречь, встревожить и одновременно успокоить.

² Антиграф – писец, секретарь, делопроизводитель. Архиграмматик – начальник царской канцелярии. Помимо этого, в Индии Эвмену впервые было доверено командование частью войска.

В дверь постучали.

– Входи, – позвал Эвмен.

На пороге появился молодой человек, лет двадцати пяти, среднего роста и сложения, гладко выбритый по македонской моде. Никакими особыми приметами он не выделялся. Разве что какой-то еле уловимой цепкостью взгляда. Едва войдя, он сразу же отметил, что Эвмен не один – в тёмном углу комнаты стояло кресло и оно не пустовало, там сидел человек.

Вошедший притворил за собой дверь.

– Поручение у меня для тебя, Антенор, – сказал Эвмен, – царское поручение. Знаешь, кто это?

Он кивнул на человека в тёмном углу. Тот встал и шагнул ближе к свету. Антенор снова бросил на него быстрый взгляд.

– Знаю. Радуйся, достойнейший.

– Радуйся и ты, Антенор, – с лёгким фригийским выговором произнёс по-эллински Кофен-Каувайча, младший из оставшихся к сему времени в живых сыновей некогда могущественного сатрапа Артабаза, что сначала сражался с Александром, а потом покорился и был македонским царём облакан и одарён властью. Это несмотря на то, что старший его сын, неугомонный Фарнабаз, неоднократно битый, пленённый, из плена бежавший, продолжал числить Искандера Двурогого врагом. Как было известно Эвмену, ныне он отсиживался на Родосе

у родни своей матери-эллинки. А младшие его братья оказались при дворе покорителя Азии и вовсе не в качестве пленников.

– Хорошо, что знакомы. Вам вместе теперь ехать в Пергам, – сказал Эвмен, убрав стило и закрыв чернильницу.

Немного подождав, пока чернила высохнут, он свернул папирус, засунул его в поданный Кофеном футляр и протянул Антенору.

– В Пергаме отыщите Барсину и Геракла.

– Не надо искать. Все знают, где живут, – сказал Кофен.

Эвмен никак на его слова не отреагировал.

– Кофен едет с тобой, Антенор, дабы сестра его безоговорочно поверила каждому слову в этом письме. Ты ведь знаешь уже, что произошло?

Антенор кивнул.

– Мальчик теперь – последний из Аргеадов по мужской линии.

Эвмен откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы перед собой в замок.

"Вот ведь, какой жребий вынули боги... От Геракла пошёл род македонских царей и Гераклом же и завершается. Завершается? Это ещё посмотрим".

– Ваша задача – надёжно спрятать мальчика и его мать. От этих...

Он неопределённо мотнул головой.

– Сейчас они и слышать не хотят, чтобы назвать незаконнорождённого царём, но кто знает, что будет потом. После того, что тут сегодня произошло, лучше мальчику исчезнуть. До поры.

– Не волнуйся, господин архиграмматик, то есть прости, хшатрапава, за сестру я кому угодно горло перегрызу, – бодро заявил Кофен.

Эвмен усмехнулся.

– Сатрап... Без сатрапии. Великую честь оказали. Каппадокию с Пафлагонией ещё только предстоит завоевать.

Он взял со стола кожаный мешочек и вытряхнул из него себе на ладонь серебряную тетрадрахму с рогатым профилем Александра, неровно сломанную пополам. Протянул Антенору одну из половинок.

Симболлон.

– Возьми. Отдашь Барсине. Пусть сбережёт. Скажешь ей, что человеку, который предъявит вторую половинку, она может доверять.

Антенор сжал половинку симболлона в кулаке.

– Ступайте. Готовьтесь, – сказал Эвмен и, когда они повернулись к двери, добавил, – помните, от вас теперь зависит будущее всего царства.

Антенор молча кивнул.

Часть первая

За что...

В чём был не прав...

У неба нет ответа.

Оно не даст мне знак.

Лишь пыль и тишина...

Я думал, верность – путь, что нас ведёт к рассвету.

Цель может быть чуждой, но истина – одна.

Всё...

Поздно...

Никогда

не быть земному счастью,

Единому. Не быть

Здесь миру без войны.

Низвергнуты мечты, разбитые на части.

Не воплотит никто,

Раз не сумели мы

*.
И всё же – почему...*

Нам не хватило жизни.

Бессмертно имя лишь,

И в славе, и во лжи.

Страшней телесных мук

Гнетут пустые мысли:

За что. В чём был не прав.

О, небо, расскажи.

Юлия Токтаева

Глава 1. Пыль и пепел

Семь лет спустя. Середина зимы четвёртого года 115-й Олимпиады

Пустыня на северной границе области Габиена

³

– Потерпи ещё немного, друг. Досталось тебе сегодня? Нам всем досталось.

Красная от холода ладонь ласково потрепала шею храпящего жеребца. Даже он устал, рослый и выносливый "нисеец", белоснежный красавец. Даже он выбился из сил. Что уж говорить о других.

Конь доверчиво скосил глаза, шумно фыркнул, выпустив клубы пара. Всадник выпрямился, подышал на окоченевшие пальцы. Злые языки говорили, будто им более пристало держать стило, нежели меч. Что тут возразить? Всё так и есть. Кто сейчас помнит, что эти тонкие изящные пальцы когда-то были способны заставить взвыть от боли и замолотить ладонями по песку палестры не самых хилых панкратиастов? Много воды утекло с тех пор. Меч обнажать доводилось не часто, но уж если он брался за него, злые досужие болтуны пристыженно умолкали.

Конечно, были и неудачи, но справедливости ради, разве себя он должен в том винить? Он, многократно преданный и предаваемый?

Да, себя. Только себя. И не надо взваливать вину на чужие плечи. Кто он такой? Искушённый политик, знаток чужих тайн, некогда поверенный в делах величайшего из людей, живших на свете. Хитрый, как лиса, изворотливый стратег, выходивший сухим из воды, даже будучи загнанным в угол. О нём ходили слухи, будто он способен читать человеческие души, словно книги. Было ли это правдой? Как такой человек мог раз за разом становиться жертвой измены? Некогда бесстрастный дознаватель, обременённый долгом, ныне среди своих немногочисленных друзей он приобрёл репутацию излишне мягкосердечного человека. Милосердного и даже доброжелательного к врагам и бесчисленным завистникам, число которых год от года преумножалось. Виною тому победы. Вопреки всем предательствам, а может, благодаря им.

Эвмен, стратег-автократор Азии, назначенный на эту должность Полиперхонтом, нынешним опекуном царя – Филиппа-Арридея. Повелитель стила, вощёной таблички и папируса, к искреннему недоумению и зависти многих стал одерживать победу за победой на поле брани. Эвмен – непобедимый. До сего дня? А вот это, вообще-то, очень интересный вопрос.

– Кто же, Кербер меня раздери, побеждает? – раздался голос за спиной.

"У дураков мысли сходятся", – усмехнулся Эвмен.

В голосе молодого Иеронима, земляка и одного из ближайших друзей, ему послышались болезненные нотки.

Стратег обернулся и ахнул.

Иероним сейчас цветом лица мог соперничать с эвменовым жеребцом. Кто белее. Он едва держался на лошади. Левый рукав чёрен от крови. Поводья гетайр сжимал правой рукой, а кизиловое копьё-ксистон – левой. И, верно, сил только на то и хватало, чтобы не выронить. Отвоевался.

– Антенор! – воскликнул стратег, – смотри, он же ранен! Иероним, что же ты молчишь?

³ Январь 316 года до н.э.

Аntenор спрыгнул с коня, бросил поводья ещё одному из подоспевших всадников и подбежал к Иерониму, на ходу отрывая полосу от подола своей пёстрой персидской рубахи.

– Не хотел быть обузой... – пробормотал Иероним, спешиваясь, а точнее сказать – сползая с лошади.

– Дурак, пустое болтаешь, – Эвмен подъехал к нему вплотную, – покажи-ка, куда тебя?

– Плечо пропороли, – буркнул Антенор, – ну-ка, не дёргайся.

Он вытащил нож, разрезал рубаху раненного, осторожно развёл в стороны края прорехи, цокнул языком.

– Скажи ещё, что я сейчас сдохну, – поморщился Иероним.

– От такой царапины не сдохнешь, – хмыкнул Антенор.

Он принялся перевязывать раненого.

– Время теряем, – с досадой бросил Иероним, – бежать надо.

– Бежать? – удивлённо заломил бровь Эвмен, – с чего бы это? Нет уж, пусть сегодня побегают Циклоп, собирая свою пехоту. Хорошо им задали мои аргираспиды!

– Ты уверен, что ещё твои? – покосился на него Антенор.

– Вот-вот! – поддержал его Иероним, – вспомни предупреждение Эвдама! Вспомни, что они задумали!

– Он умеет побеждать, пусть добудет нам победу, – мрачно проговорил Антенор, явно повторяя чужие слова, – но на этом довольно с нас кардийца.

Эвмен покачал головой.

– Я не верю. Они просто были напуганы стремительностью броска Антигона.

– Так уж и не веришь? – прищурился Иероним, – "Я среди диких зверей" – не твои ли слова? И думаешь, я не знаю, что вчера ты писал завещание?

– Предстояло сражение. Кто знает, какой жребий мне уготован.

– И письма жёг по этой же причине?

– Мимолётная слабость, – сказал Эвмен, – я всего лишь человек. Не каждый день мне открывают, что мои союзники сговорились убить меня, когда я добуду им победу. Но сам же Эвдам – живой пример того, что между ними нет единства. А может ещё осталась частичка совести.

– Да какая там совесть, – возразил Антенор, – они просто трясутся за свои деньги.

– Эвдаму-то чего бояться? Это других я вынудил тряхнуть мошной на наше общее дело, а его, наоборот, осыпал золотом.

– Общее дело... – проворчал Антенор, завязывая узел, – туго?

– Пойдёт, – поморщился Иероним.

– Не Антигона они боятся, – сказал Антенор, – а того, что ты станешь вторым Антигоном, если победишь его.

– Такому не бывать, – ответил Эвмен.

– Ха, убеди-ка их в этом. Слишком много власти оказалось в твоих руках после того письма Полиперхонта, с царским указом. Все судят по себе, а душонка-то у каждого из этой компании с гнильцой. Давай подсажу.

Последние слова относились к Иерониму.

– Сам, – отстранился гетайр.

– Са-ам, – передразнил Антенор, – давай колено, дурень.

Он помог товарищу сесть на коня. Сдвинул на затылок беотийский шлем. Огляделся.

На северо-востоке медленно рассеивалось гигантское облако пыли, поднятое копытами тысяч лошадей. Такое же, если не больше, клубилось на западе, скрывая огненно-красный диск. Солнце, испуганное, оскорблённое невиданным зрелищем кровавой бойни, разливало по небосводу багряное пламя гигантского погребального костра. Оплакивая боль и страдания тысяч душ, безжалостно вырванных из жизни, оно стремилось поскорее спрятаться за горизонт. Сгущались сумерки.

На востоке хмурое зимнее небо затянули свинцовые тучи. Холодное дыхание смерти пробирало до костей. Ещё вчера плоская, будто гладко оструганная доска, безжизненная солончаковая пустыня ныне усеяна буграми. Трупы людей, лошадей, слонов. Десятки, сотни, тысячи...

Раздражённая пестротой красок, многоцветьем плащей и попон, пустыня возвращала себе привычный облик. Серая пыль уже сегодня укроет общим саваном всех тех бедолаг, что останутся здесь навсегда. Одних заставляла испытывать судьбу жажда наживы, других – чужая безжалостная воля, третьих – долг. Пустыне всё равно, кого хоронить. Пройдут годы и прах вчерашнего пастуха не отличить от праха того, кто рядился в пурпур и золото.

Ветер, особенно злой на морозе, развеивал полы плаща, превращая их в крылья огромной птицы. Антенору почудилось хриплое карканье.

– А вот и вороны. Что б вам моими костями подавиться.

– Сам-то не каркай, – процедил Иероним.

– Так кто всё-таки побеждает? – повторил его вопрос ещё один из сопровождавших стратега гетайров.

– Да хрен его знает, – спокойно, будто о каком-то ничтожном пустяке шла речь, ответил Антенор.

Он подобрал копье и легко, без какой-либо видимой натуги взлетел на коня.

– Хотел бы я знать, где эта сука, Певкест, чтоб ему танталовой награды до скончания времён не распробовать.

Антенор собирался сказать что-то ещё, но продолжить ему не дали. Кто-то встревоженно закричал:

– Всадники!

– Где? – развернул коня Эвмен.

– Вон там! – вытянул руку Иероним, он тоже разглядел в пылевой завесе несколько конных фигур.

Антенор приложил ладонь козырьком к шлему.

– Наши?

– Поехали навстречу, – приказал стратег.

– А если... – засомневался Иероним.

Его опасений никто не разделил, люди измучались неизвестностью, хотя длилась она вовсе не так долго, как им казалось.

Антенор поудобнее перехватил копье, толкнул пятками конские бока. Двинулись.

С Эвменом оставалось около сотни всадников. Горстка гетайров, которые сумели вырваться из самого пекла конного сражения, что закончилось катастрофой из-за измены Певкеста. Ирония судьбы – сатрап Персии, трусливо бежавший с поля боя, ещё вчера многими почитался, как образец мужества. Да и сам Певкест, бывший телохранитель великого Александра, спасший жизнь царя в Индии, не забывал прихвастнуть своим бесстрашием. И ведь не надуманным – не сосчитать свидетелей былой доблести Певкеста.

Куда всё подевалось? Неужто Антигон столь страшен? Да нет, вовсе не в Циклопе дело. Просто заплыл Певкест жирком, зажился в неге и возлюбил её всей душой.

Или всё же прав Эвдам и вовсе не трусость сатрапа Персии тут сыграла роковую роль?

Но ведь тот же Эвдам ясно дал понять – сдаваться Антигону сатрапы, союзники кардийца, не жадуют. Решили сражаться. Эвмен им не мил. Невесть что возомнивший о себе выскочка. Но Циклоп и вовсе хуже горькой редьки. Не будь так, перебежали бы уже давно. Владения отберёт, раздаст своим людям. А самого горевестника, индийского сатрапа, Одноглазый и вовсе ненавидит. Нет, Эвдаму в плен сдаваться никак нельзя. Эвмен не ошибся, когда покупал его верность. Не все служат за честь и долг, иные за деньги. А ещё за страх. Пусть так. Сатрап Индии не подвёл и в бою не дрогнул. Его слоны и легковооружённая пехота, набранная в Индии и верхних сатрапиях, приняли главный удар гетайров и слонов Антигона. Дрались доблестно. До последнего. Могли бы победить. Верно кардиец разгадал замысел Одноглазого.

Он действительно хорошо читал в человеческих душах и знал привычки всех былых соратников великого царя. Хотя в отношении Антигона и угадывать ничего не пришлось. Повторяется Циклоп, раз за разом.

Меры Эвмен принял правильные. На левом крыле сосредоточил свои главные силы. Кто знает, как бы пошло дело, если бы все они вступили в бой.

– Филипп и Геракл! – раздался крик со стороны приближавшихся всадников.

То был пароль. Когда Эвмен его выдумывал, никому и в голову не пришло переспросить, кого он именовал первым – сорокалетнего скорбного умом беднягу или его великого отца. Впрочем, насчёт второго имени тоже ни у кого вопросов не возникло. Лишь Антенор и Иероним знали, какого Геракла кардиец имел в виду. Для всех прочих он назвал божественного предка Аргеадов.

Филипп и Геракл. Значит, это свои.

– Наши! – воодушевился Эвмен и прокричал отзыв.

Всадники сблизилась.

– Что у вас? – нетерпеливо спросил стратег.

– Отбились! – отвечал старший отряда.

– Ну, слава богам! – обрадовался Эвмен, – Филипп жив?

– Жив!

Помянутый Филипп был одним из ближайших друзей кардийца. Эвмен поставил его командовать правым крылом, но воинов дал мало. Ожидал, что сильного натиска тут не будет. Так и вышло. Вот только стратег, при всей своей прозорливости, всего просчитать не смог.

– Большие потери?

– Да нет, не слишком. Тут другая напасть... – замялся воин.

– Что случилось? Не томи!

– До хорошей драки дело не дошло. Покружили, поогрызались друг на друга немного. Больше напылили, чем крови пролили. Да вот только пыль эта... Короче, обошли нас мидяне. Завесой пыли укрылись. Не заметили мы их сразу. А когда обнаружили – они уже всю лагерь грабят.

– Ах ты, зараза... – в сердцах сплюнул Антенор.

– Чего убиваешься? – с некоторым недоумением спросил его Иероним, – подумаешь, тряпье растащат.

Антенор покачал головой. Проговорил еле слышно:

– Там семьи. Бабы и ребятишки аргираспидов. Ты понимаешь, что это значит?

– Что?

Эвмен, в отличие от Иеронима, понимал. Было видно, как он побледнел.

"Ты уверен, что ещё твои?"

– Что делает Филипп?

– Сюда идёт. Мы вперёд посланы. Неподалеку заметили ещё всадников. Много. Побоялись к ним сунуться, а тут как раз вас увидели. Там холм, они на нём стоят.

– Это Певкест, – уверенно сказал Эвмен.

– Почему не Антигон? – спросил Иероним, – может, нас уже в клещи взяли?

Стратег не ответил. Молча развернул коня и погнал его в указанном направлении. Гетайры и встреченные воины последовали за ним.

Кардиец не ошибся. На холме действительно обнаружился беглый сатрап Персии со всем своим отрядом. И не один. Здесь же стояли и другие сатрапы, союзники Эвмена. Не все. Сатрап Индии с поля боя не бежал.

– Почему ты покинул строй? – ещё издали рявкнул стратег-автократор.

– Эвмен? – навстречу кардийцу выехал толстяк, облаченный в персидские доспехи, – ты жив?

– Как видишь! Отвечай на вопрос, мерзавец!

– Да плевал я на тебя и твои вопросы! – Певкест смерил взглядом отряд Эвмена и голос его, только что звучавший испуганно, приобрёл высокомерные нотки, – не надо было принимать бой! Говорил же тебе!

– Мы могли победить! – Эвмен потерял привычную невозмутимость.

– А-а! – Певкест махнул рукой, – дураку, что в лоб, что по лбу!

Он смотрел вдаль поверх голов людей стратега, не иначе ожидал увидеть нападающих на пятки всадников Антигона.

– Мы уходим!

– Нет! Остановись, Певкест! Мы ещё можем всё изменить! Мы ещё не разбиты! Сейчас подойдёт Филипп, надо атаковать! Там, впереди, – стратег вытянул руку на север, – Тевтам и Антиген. Аргираспиды разметали фалангу Циклопа!

– Мы уходим! – Поворотил коня Певкест, – надо уносить ноги! Пусть этот придурок сложит тут свою голову, если нашла охота!

Пёстрая лава конных персов хлынула вниз по склону, к реке.

– Отродья шакала! Да чтоб вас дэвы всех пожрали! – заорал им вслед Антенор.

– Что теперь делать? – с дрожью в голосе спросил Иероним.

Эвмен не ответил. Вид у него был затравленный, взгляд метался. Таким Антенор видел стратега впервые.

– Надо тоже отходить... – осторожно предложил кто-то из гетайров.

– Мы ждём Филиппа, – отрезал кардиец.

Однако прежде, чем к холму подошёл Филипп, обнаружилось движение на севере. Это шли аргираспиды, "Серебряные щиты". Старейшие воины Александра, многим из которых уже перевалило за шестьдесят. Как и Эвмен, они всё ещё хранили верность царскому дому и при этом, несмотря на весьма почтенный возраст, оставались самыми боеспособными из македонян.

Несколько часов назад, накануне сражения, когда два войска выстроились друг против друга, аргираспиды потребовали коня для своего посланника. Их командир, Антиген, проехался вдоль фаланги Циклопа. Он громко обвинял и стыдил македонян, за то, что те собрались драться за Одноглазого, а значит против своих отцов и царя, которого "Серебряные щиты" защищают здесь, на краю Ойкумены.

Его слова возымели действие. По фаланге Циклопа прокатился ропот недовольства, а люди кардийца воодушевились.

Когда дело дошло до столкновения пехоты, македоняне Антигона, наёмники и пантобаты⁴ не выдержали удара "Серебряных щитов" и побежали.

⁴ Пантобаты – варвары, обученные и вооружённые на манер македонских фалангитов-педзетайров.

Центр поля боя остался за аргираспидами. Однако на флангах безраздельно господствовала конница Циклопа. Антигон бросил против "Серебряных щитов" конных лучников Пифона, сатрапа Мидии. Под градом стрел аргираспиды сомкнули ряды и принялись отступать. Спокойно, хладнокровно. Именно это качество – холодная голова – делала их столь грозными бойцами, а вовсе не телесная сила, в коей они, разумеется, проигрывали молодым. А ещё слаженность строя, опыт, копившийся даже не годами – десятилетиями. Не было в тот момент во всей Ойкумене воинов, способных состязаться в выучке с этими людьми.

Варвары попытались вклиниться в синасписм⁵ "Серебряных щитов" на флангах, но не преуспели и здесь. Аргираспиды ошетились копьями со всех сторон. Почти не понеся потерь, они достигли холма, где остановился Эвмен. Сюда же прибыли и персы-пантобаты из его фаланги "мальчиков", созданной ещё Александром. Подошли застрельщики, практически полностью опустошившие запасы дротиков, стрел и ядер для пращей. Погонщики-махауты подвели несколько уцелевших слонов, в основном из числа тех, что приняли бой на правом крыле, где резня вышла не столь жаркой.

⁵ Синасписм – более тесный строй, чем тот, в котором обычно сражается фаланга. Используется синасписм для обороны.

Зимняя ночь, наконец, вступила в свои права, и сражение прекратилось само собой. Однако ещё до того, как огненная колесница Гелиоса скрылась за горизонтом, подле Эвмена образовался новый мощный кулак из людей, вовсе не считавших себя побеждёнными. Да, от конницы мало что осталось, но пехота не слишком утомлена сражением и убыток в людях совсем не велик. Антигон штурмовать холм не решился. Правда, главную опасность для страгга-автократора теперь представлял не он.

По рядам во все стороны волнами прокатывались слухи, правдивые и невероятные. Люди делились пережитым, справлялись о судьбе знакомых. Всех мучал один и тот же вопрос:

"Мы победили или проиграли? Что будет дальше?"

Воины топтались на месте. Многие не решались выпустить из рук оружие. Ни палаток поставить, ни костров разжечь нельзя, попросту нечего ставить и разжигать. Тут даже кустов не росло, а лагерь теперь находился во власти дорвавшихся до добычи мидян. Холод усиливался. Всё войско уже стучало зубами, а ведь ночь только началась. Долгая ночь. Всего несколько дней прошло с зимнего солнцеворота.

Из-за туч выглянула луна – обломок серебряной монеты или помятый расколотый щит, кому что видится. Всё хорошо, а то темень – хоть глаз выколи. В стылом воздухе проблёскивали ледяные кристаллики. Их становилось всё больше.

Соорудили несколько факелов. Кое-кто намотал обрывки рубах и плащей на обломки копий. Эвмен разодрал свой плащ первым, приговаривая, что сейчас не время цепляться за барахло. Как оказалось, эту мысль разделяли далеко не все.

Стратег созвал совет высших военачальников. Впрочем, "совет" – слишком громко сказано. Пришло всего двое – Филипп и Тевтам, седой, как лунь командир гипаспистов⁶. Сатрапы бежали, а командир "Серебряных щитов" почему-то задерживался. Это тревожило кардийца.

– Где Антиген? – спросил он Тевтама.

– Откуда мне знать? Я ему не пастух, – раздражённо огрызнулся тот, – ты лучше ответь мне, правда ли то, что наш лагерь в руках врага?

– Правда, – подтвердил Эвмен.

– Вот сука, Одноглазый... – в сердцах сплюнул Тевтам.

– Лагерь мы отобьём, – пообещал стратег.

– Да ладно?! Вот прямо возьмёшь и отобьёшь? – злобно оскалился Тевтам, – а они, конечно, ждать будут, мидяне-то. Прямо вот сидят на одном месте и ждут, когда мы поутру своё добро назад отнимем.

Эвмен скрипнул зубами. Старики обросли имуществом, отяжелели. Его речи о верности царю, о чести им давно не интересны. Прежде стратегу удавалось воодушевить их и вложить в головы мысль, что следовать за ним – правильно. Нельзя приказывать, они не считали его ровней себе и не стали бы подчиняться. Всегда только убеждение, дипломатия и такт. Он тратил очень много сил там, где иному полководцу достаточно было просто приказать. Он очень устал подбирать слова, сказалось и напряжение минувшего дня.

– Никуда они не денутся с вашим барахлом. Кругом пустыня.

– С на-ашим барахло-ом... – протянул Тевтам, – там наши жёны, кардиец! Их уже всюю насилюют долгобородые! А? Что на это скажешь? Как утетишь?

⁶ Гипасписты – "Щитоносцы". Отборное подразделение тяжёлой македонской пехоты, которое могло сражаться и в сомкнутом и в рассыпном строю. В полевых сражениях гипасписты служили связующим звеном между тяжёлой конницей гетайров и фалангой (отсюда их ранее название – "щитоносцы гетайров"). Корпус "Серебряных щитов" был сформирован именно из ветеранов-гипаспистов.

Эвмен поджал губы.

– Там наши дети! – всё сильнее заводился Тевтам, – твоя семья далеко, тебе не понять, что сейчас чувствуем мы!

– Остынь Тевтам, – Филипп мягко отодвинул Эвмена и встал перед командиром гипаспистов, – побереги ненависть для Циклопа. Не время сейчас предаваться бессмысленным стенаниям. Надо думать, как утром разбить Антигона.

– Думать? Ну, думайте.

Тевтам повернулся и шагнул во тьму. Остановился и бросил через плечо:

– И мы тоже подумаем.

Приблизился Антенор. Во время этого разговора он держался поодаль, но не сводил с Тевтама глаз.

– Неспроста Антиген не явился. Ох, не к добру это. Что они там надумают?

– Не будет утром никакого сражения, – мрачно проговорил Филипп, – старики уже навалились, а остальные, глядя на них, тоже с места не сойдут. Надо бежать.

– Куда? – обречённо спросил Эвмен и, скрестив ладони на затылке, поднял взгляд вверх, на ярко горевший в небесах серебряный щит, наполовину скрытый тенью, – некуда бежать. И кто последует за мной?

– Для начала нужно убратъся из Габиины, а там разберёмся. Вспомни, сколько с тобой было людей, когда ты вырвался из Неры.

– Нет, Филипп, – покачал головой Эвмен, – в одну реку дважды не войти.

Он вздохнул, повернулся к другу, положил руку ему на плечо и сказал:

– Иди к своим людям. Я тоже пройду, постараюсь ободрить воинов. Они заслужили.

Он повернулся к Антенору.

– Ты со мной?

Тот мотнул головой.

– Я пойду... Потолкаюсь тут, уши погрею.

Прошёл час, а может и больше. Трудно в таком напряжении чувствовать время. Непонятно, то ли летит стрелой, то ли течёт еле-еле, будто густой мёд. Антенор вернулся, отыскал Эвмена.

– Филипп прав, надо уходить.

– И ты туда же? – раздражённо спросил стратег, – посмотри вокруг. Здесь тысячи людей. Моих людей. Кто я буду, если брошу их?

– Их судьбу решит победитель.

– Значит и ты, Антенор, отдал победу Антигону? – грустно спросил Эвмен, – от тебя я ожидал этого меньше всего.

– Старики что-то нехорошо возбудились, – резко сказал Антенор, – Я видел подле них двух всадников, они ускакали на север. Не к добру это. Меня узнали, много подслушать не удалось, но драться с Циклопом они точно не намерены. Боятся, что тот прикроется их детьми. А если "Серебряные щиты" сложат оружие, то за ними последуют и все остальные. Твоего войска больше нет, Эвмен, но мы ещё живы, надо уходить.

– Здесь моё войско, Антенор. Другого уже не будет. Никто не последует за мной и долг мой перед памятью царя, долг перед его сыном не будет исполнен.

– Мёртвым ты этот долг точно не отдашь.

Появился Иероним.

– Они идут сюда! Целая толпа.

– Отлично, – сказал Эвмен, – самое время поговорить.

– Что ты им скажешь? Они не станут слушать.

Эвмен не ответил, направился на шум, который нарастал – сюда действительно шли несколько десятков человек во главе с Антигеном. Кардиец приблизился к старику, который одно время мог звать себя богатейшим человеком в Ойкумене, ибо ему была доверена на сохранение вся казна царского дома. Именно из этих сокровищ Эвмен снаряжал и содержал своё войско, получив на то дозволение Полиперхонта и Олимпиады, царицы-матери.

Стратег поднял руку, приветствуя командира аргираспидов. Тот не ответил. Они остановились шагах в двадцати от Антенора. Гетайр хорошо различал их фигуры, освещённые факелами, но не мог разобрать слов, ибо все старики, обступившие кардийца, зашумели разом. Эвмен пытался говорить спокойно, но очень быстро был вынужден тоже повысить голос.

Сколько они друг на друга кричали, явно не слыша противную сторону, Антенор оценить не смог. Наверное, не очень долго. Всё это время он представлял собой подобие сжатой пружины. Цепenea от страха, ждал, что вот сейчас разъярённая толпа сойдёт Эвмена наземь и растерзает. Готовился вытаскивать его, хотя и не представлял, как сможет это сделать. Но случилось другое.

Аргираспиды внезапно расступились, пропуская кого-то вперёд. Антенор похолодел, он узнал этого человека – то был Никанор, один из друзей Циклопа, недавно одарённый за службу Каппадокией, сатрапией Эвмена, которую, тогда ещё даже не завоёванную, "дали во владение" архиграмматику при самом первом разделе царства сразу после смерти Александра.

Двое аргираспидов схватили Эвмена за руки. Антенор бросился вперёд, но почти сразу кубарем покатился по земле. С ног его сбил вынырнувший из тьмы Тевтам.

– Не дёргайся, парень.

Гетайр попытался встать, но Тевтам от всей души пнул его в живот. Дыхание перехватило. Какие-то мгновения Антенор даже ничего не слышал и не видел. Когда же боль чуть-чуть отпустила, донёлся голос Антигена:

– Мы слово сдержали. Теперь ваш черёд.

– Своё вы получите сполна, – сказал Никанор и приказал, – вяжите его.

Антенор ткнулся лицом в мёрзлую землю и глухо застонал.

Деме

300

Тяжёлая

АНТИГОН

Эвмен

Т
К

Три дня спустя

Этот огромный шатёр, окрашенный пурпуром, расшитый золотыми нитями, разделённый внутри на четыре помещения, стоил баснословных денег. Всей казны царя Александра, имевшейся у него в ту пору, когда он только-только переправился в Азию, хватило бы всего на четыре таких шатра. Соткан он был вскоре после возвращения Александра из Индии и при жизни царь мало успел им воспользоваться. Зато с лихвой восполнил сей пробел после смерти.

Вышло так, что Эвмен, из-за предательства потерпевший поражение от Антигона в Каппадокии, много месяцев осаждённый с горсткой людей в горной крепости Нора, вырвался из окружения, но остался без войска. Тогда он отправился в Киликию, где стояли аргираспиды, охраняя царские сокровища. Кардиец смог убедить их присоединиться к нему. Это удалось сделать с большим трудом, ибо "Серебряные щиты" не желали подчиняться никому, а уж тем более эллину, бывшему архиграмматику.

Дабы завоевать их расположение, Эвмен и придумал взять из сокровищницы этот дорогой шатёр, царский трон и диадему. Шатёр всегда устанавливался посреди лагеря. Возле него на рассвете каждый раз совершались возкурения ладаном – жертвы богу Александру.

В шатре проводились советы командиров. Эвмен уверял всех, что царь незримо присутствует здесь. Якобы видел вещий сон. Себя кардиец никоим образом не выделял, не претендовал на роль командующего. Решения совета объявлялись от имени Александра. Аргираспидам это нравилось. Исполненные благоговения, они сами не заметили, как преодолели неприязнь к "эллину-высочке". Он вкладывал в их головы решения, нужные ему.

Вот и получилось так, что все считали, будто на следующий день после битвы при Габиене царский шатёр сменил хозяина не во второй, а в первый раз. Теперь здесь разместились покои победителя.

Высокий крепко сложенный старик, левый глаз которого был закрыт чёрной повязкой, неподвижно сидел на заваленном звериными шкурами раскладном походном ложе. Немигающий взор его был направлен на узкий язычок пламени масляной лампы, пляска которого рождала на полотняных стенах причудливую игру света и тени.

Снаружи завывал ветер, но во внутренних помещениях царского шатра его злая сила почти не ощущалась. Даже звуки сюда почти не проникали, лишь приглушённое конское ржание да редкий рёв слонов, которые беспокоились из-за непогоды и малого количества выдаваемой им воды.

В лежащей на колене расслабленной кисти старика покачивалась серебряная чаша с несколькими каплями вина на дне. Старик не был пьян, хотя, боги свидетели, очень хотел бы сейчас сбежать от неприятных дум, терзавших его душу вот уже третий день.

Антигон Одноглазый, сатрап Великой Фригии, называемый недоброжелателями Циклопом, не мог решить, как поступить с самым опасным из своих многочисленных врагов.

Всё изрядно упростилось бы, относись он к Эвмену, именно как к врагу. Врага следует прикончить и вся недолга. С кардийцем Циклоп так поступить не спешил. Причиной была приязнь и большое уважение, которое он питал к этому человеку.

Да, приязнь. Многие соратники Циклопа изрядно удивились бы, если бы им открыли такое.

Несколько раз судьба сводила их на поле боя и каждый раз Антигон всем своим нутром чувствовал, насколько кардиец превосходит его. Если и удавалось его одолеть, то только путём измены, как и сейчас, когда он, наконец, попал в руки Антигона.

После смерти Александра, когда его ближайшие соратники принялись делить взятое мечом огромное царство, архиграмматику присоединился к Пердикке, которого на совете телохранителей и военачальников единогласно избрали регентом.

Новоиспечённые сатрапы осваивались в отхваченных владениях, ревниво поглядывали на соседей, а Эвмен и Пердикка из кожи вон лезли, чтобы удержать государство от распада.

Арридея женили на Адее-Эвридике, его племяннице, дочери Кинаны, старшей из детей Филиппа Македонского. Многие надеялись, что Эвридике удастся забеременеть и род Аргеадов продолжится, но этого так и не произошло. Эвридика ненавидела слабоумного мужа и не очень-то горела желанием ложиться под него, хотя быть царицей ей очень нравилось.

Царицу-мать Олимпиаду ненавистный ублюдок на троне её сына категорически не устраивал. Эвмен открыл ей, что сын Александра жив, но умолял сохранить это в тайне. Она была бы рада разболтать тайну всем, дабы упрочить своё весьма шаткое положение, вот только упрямый кардиец не говорил, куда дел ребёнка. Сам он метался по востоку и ей оставалось умолять его в письмах. Эвмен оставался непреклонен.

Тогда Олимпиада вспомнила про свою дочь, младшую родную сестру Александра Клеопатру. Та была выдана за эпирского царя, но уже овдовела. Олимпиада предложила Клеопатру Пердикке, который был давно в неё влюблён. К тому же он не собирался довольствоваться ролью регента при недееспособном царе и рассчитывал на большее.

Но свадьба не состоялась. Пердикка сложил голову одним из первых. Эвмен оказался неизмеримо удачливее. Он создавал силу буквально из ничего и умело ею пользовался.

Их противостояние с Антигоном лишь изредка приводило к открытой схватке. По большей части оно представляло собой битву умов, когда мечи оставались в ножнах. Ещё ни с кем Антигон не вёл невидимой войны с подобным тщанием. Его лазутчики, люди "назойливые и словоохотливые" неустанно искали слабые звенья среди соратников Эвмена. Иногда их удавалось найти, но и тогда успехи были кратковременны. Кардиец умел оправляться от ударов с удивительной быстротой.

Он взял манеру самолично с улыбкой зачитывать перед всем войском перехваченные письма Антигона, в которых тот предлагал македонянам оставить кардийца и переходить к нему. После такого желающих, конечно, не находилось.

На каждую попытку Антигона уничтожить Эвмена руками его же людей, бывший архиграмматик находил оригинальный и хитроумный ответ.

Раздражаясь от успехов Эвмена, Антигон, всё равно ему симпатизировал. Их встреча с глазу на глаз состоялась три года назад, когда Циклопу удалось запереть умного и упрямого врага в горной крепости Нора. Пытаясь перетянуть его на свою сторону, Антигон был доброжелателен и учтив. Эвмен отвечал тем же. Их беседа, хотя и не увенчалась для Антигона успехом, тем не менее доставила немалое удовольствие обоим.

Последнее свидание, если можно назвать таковым взгляд друг на друга издали на поле сражения, состоялось минувшей осенью в Паретакене. В тот день кардиец вызвал в душе Антигона совершенно искреннее восхищение. Эвмен был тогда болен. Антигон услышал о том от лазутчиков и уже предвкушал победу, ибо знал, что в стане противника больших начальников много, но полководец только один и сейчас он прикован к постели. Каково же было его удивление, когда он увидел, как вдоль строя противника движутся носилки и там, где они проходят, воины воодушевлённо кричат и трясут копьями. Это одновременно и рассмешило, и потрясло Циклопа. Он отступил.

Битва состоялась позже, когда оба полководца спешили занять для зимовки богатую, нетронутую войной область Габиену. Эвмену удалось обмануть Антигона и перекрыть ему дорогу. Состоялось сражение, в котором кардиец одержал верх. Антигон был вынужден довольствоваться зимовкой в уже разорённой Паретакене.

Два войска расположились в девяти днях пути друг от друга. Их разделяла пустыня, вокруг которой шла старая царская дорога Ахеменидов. Пройти по ней можно было бы за двадцать пять дней, к тому же она сторожилась разведчиками кардийца и того невозможно было застать врасплох. Это совершенно расслабило союзных сатрапов, лагеря которых раскинулись по всей Габие.не.

Отчаянно нуждаясь в продовольствии для многотысячного войска, Антигон решился на рискованный переход через пустыню. Ему почти удалось застать Эвмена и сатрапов врасплох. Узнав о его приближении, они не успевали собрать свои силы. Но кардиец смог избежать и этой ловушки, он обманул разведчиков Антигона, подставил им в ночи ложный лагерь и выиграл время. Он и битву почти выиграл. Последнюю свою битву...

Что с ним делать теперь? Этот вопрос не давал Антигону покоя. Вместо торжества победителя тяжкие думы. Словно злой червь жрёт изнутри. Отпустить Эвмена? Нет, невозможно. Он не отступит. Препятствия и ненависть македонян только придадут ему сил. Он всё преодолет и придётся драться с ним снова и снова. Переманить на свою сторону? Бесполезно. Антигон пытался. Тогда, под стенами Нору он даже посылал к нему Иеронима, который перед тем угодил к нему в руки. Предварительно залил земляку архиграмматика уши сладкими речами. Обласкал и осыпал почестями, дабы тот увидел, "что Антигону служить так же естественно, как дышать".

Иероним помог составить текст присяги, к которой Антигон надеялся привести Эвмена в обмен на освобождение. Текст вышел мудрёным. Вроде бы присяга приносилась царю, и кардийцу не пришлось бы идти против совести (на что и был расчёт). Но если вчитаться как следует – присягнуть предлагалось Антигону.

Эвмен, конечно, уловку раскусил. Текст поменял и обвёл вокруг пальца стратегов, которых Циклоп оставил вместо себя сторожить Нору. Дурни в новой присяге не увидели подвоха и кардийца выпустили. А тот, оказавшись на свободе, указал им на то, что по произнесённым речам это не он, а Циклоп обязан ему подчиниться. И был таков.

Антигон усмехнулся, поднёс к глазам давно опустевшую чашу. Повертел, разглядывая чеканку. Как он орал тогда на своих болванов, и как потом хохотал, восхищаясь кардийцем. Поистине, Одиссей был бы посрамлен.

И вот этот человек станет ему служить, изменит себе? Нет, никогда этого не будет.

В тексте присяги Эвмен упомянул Геракла. Фраза была очень хитро завёрнута, и на первый взгляд там подразумевался сын Зевса, но перечитав текст не один раз, Антигон заподозрил неладное. Он вспомнил про сына Барсины. Он не слышал о нём уже восемь лет. Тогда, в Вавилоне предложение Неарха не поддержали, а через два года на совете в Трипарадесе о мальчишке уже и не вспоминали.

Похоже, мальчишка жив, кардиец его спрятал. Ради него он воюет.

Сын предлагал держать Эвмена в почётном плену. Антигон обдумал и это.

Верный Ономарх, один из ближайших доверенных, ловкий и надёжный человек, пригодный к любым, даже самым деликатным поручениям, спросил, как охранять пленника.

– Как льва, – последовал ответ.

Можно ли удержать льва, посадив на собачью цепь?

Антигон поставил чашу на застеленную коврами землю, потянулся к раскладному столу, заваленному папирусами, и взял один из них. Развернул, пробежал глазами по строчкам.

Здесь были списки захваченных у кардийца трофеев, людей, лошадей и слонов. Поимённый перечень одних только младших командиров, декадархов, синтагматархов, поражал своей внушительностью. Но можно ли доверять этим людям? Пленным сатрапам, присягнувшим вчера победителю, точно нельзя. Эвдама, сатрапа Индии, захваченного во время битвы слонов, Антигон сразу же казнил, отомстил за давнюю обиду. Но остальных пощадил. Посмотрят на судьбу Эвдама и сделают выводы. Полезный урок. Они ещё пригодятся. Как и их люди.

За пологом слышался шорох.
– Кто там? – спросил Антигон.
Вошёл раб-постельничий.
– Господин, тебя хочет видеть твой сын.
– Пусть войдёт.

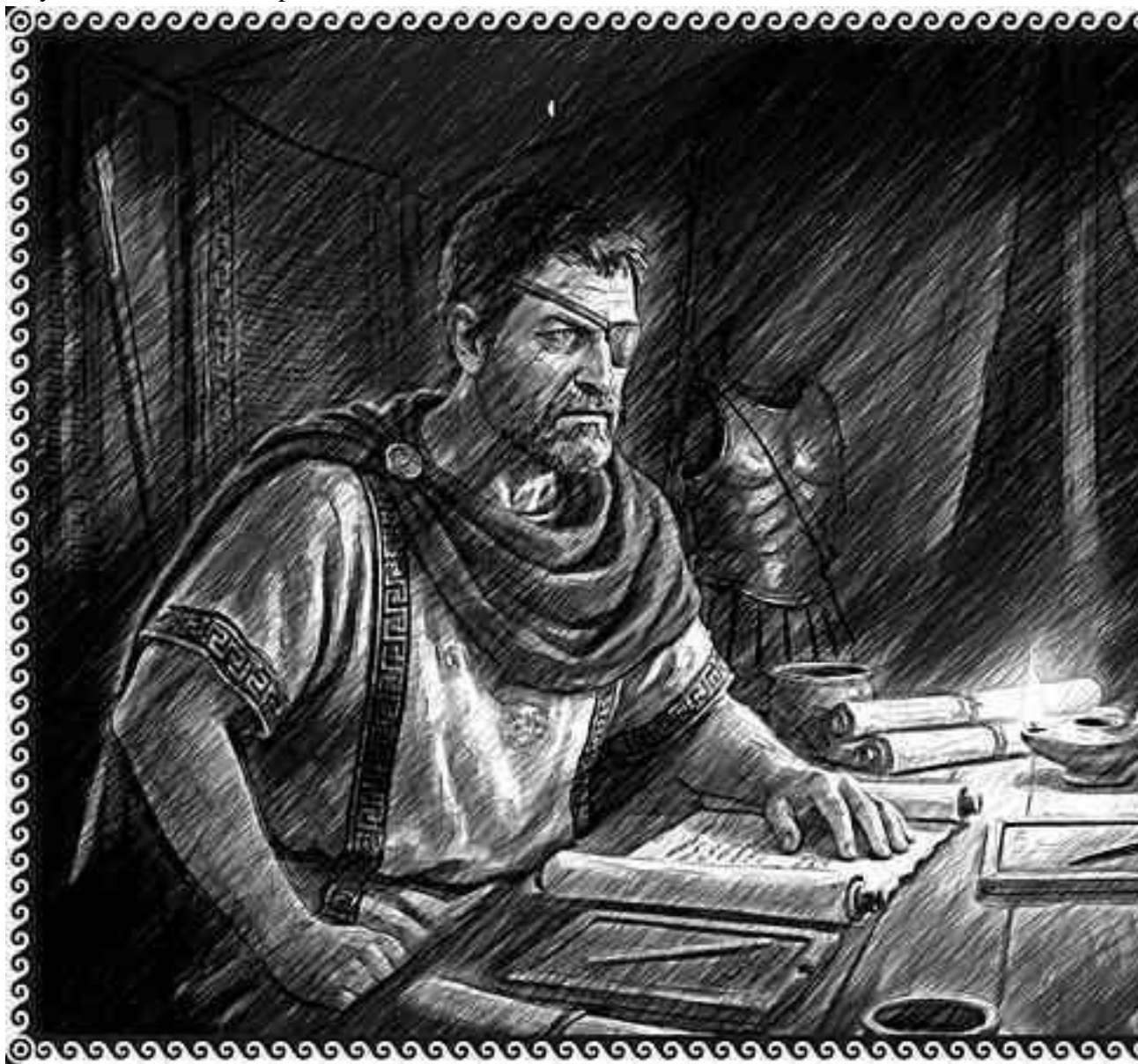
Антигон грустно усмехнулся. Деметрий всегда входил к нему без доклада стражи, в любое время, но сейчас, когда в лагере несколько тысяч бывших врагов, следовало принять меры предосторожности.

– А ты кликни Ономарха и пусть он приведёт Сибиртия.

Раб поклонился и исчез.

Деметрий вошёл, вернее ворвался в покои и с ходу принялся извергать молнии.

– Отец, это бесчестно! Это недостойно! Мне ненавистна сама мысль, что весь наш род навеки будет заклеимён позором из-за твоего деяния!

– Я отдал приказ к выступлению на рассвете, – спокойно сказал Антигон, – тебе сообщили?

– Ты меня не слышишь?!

– Прекрасно слышу. Хотя я и стар, но от глухоты оградили меня боги. И я, пока ещё твой военачальник, задал вопрос – тебе сообщили о моём решении?

– Да, стратег, – вытянулся в струну Деметрий, – твоё приказание будет исполнено.

– Остыл немного? Хорошо. А то ты сейчас словно Зевс во гневе, – голос Циклопа был сух и спокоен, ни одной ноткой он не выдавал далеко не ровное течение мыслей полководца, – видно мне надлежит довольствоваться тем, что ты употребил слово "деяние", хотя весь твой облик однозначно кричит – "злодеяние". И на том спасибо, сын.

Деметрий поджал губы и чуть потупил взгляд.

– Прости меня, отец. Я вышел из себя, догадавшись о твоём втором решении, которое ты не счёл нужным мне сообщить. Ты решил заморить Эвмена голодом? К чему эти мучения? Не милосерднее ли просто казнить? Хотя сама мысль об этом разрывает мне сердце.

– Я вижу. Перед тобой тут был Неарх. Едва не на коленях умолял пощадить Эвмена. По старой дружбе. Во всём войске только двое вас и сыскалось, заступников. А всё прочие жаждут крови и мести. "Он убил Кратера! Казни его, Антигон! Отомсти!"

– Он не убивал Кратера, – сказал Деметрий, – ты прекрасно это знаешь. Кратер пал в честном бою. Победа над столь достойным полководцем лишь добавила Эвмену славы. А вот нам его кровь принесёт одно только бесчестье.

– Ты ещё очень молод, сын, – покачал головой Антигон, – и очень похож на Александра. Тот тоже сначала хотел понравиться всем. Хотя с первого дня царствования руки его уже были по локоть в крови.

– Спасибо и на том, не назвал его своим привычным словечком – "сынок упырихи", – сквозь сжатые зубы проговорил Деметрий.

– Да потому что так оно и есть, кривись, не кривись. Пока эта мстительная тварь жива, и за тридевять земель нельзя ощущать себя в безопасности. А что до Кратера... Верно, кардиец тогда всех нас удивил, мало не показалось. Какой-то грамматик взял и одолел самого доблестного, самого способного полководца. Тебе, понятное дело, привиделось в том славное деяние, а вот македонянам почему-то нет. Все любили Кратера.

– Любили... Любили, да. Но если бы не твои шептуны, которые взбаламутили всех, никто бы не стал бросаться этим словами – "враг государства". Селевк подло убил Пердикку, избранного всеми регента – ты на это и слова не сказал. А Эвмен победил в честном бою, но он враг государства. Ещё бы, ведь он чужак, а Селевк – "свой сукин сын".

– Это называется – "политика". Ты с малолетства выучен быть воином и полководцем, но сие тонкое искусство тебе ещё предстоит постичь.

– Искусство лжи, – скривился Деметрий.

Антигон усмехнулся.

– Меня всегда восхищала твоя прямота. Люди непременно пойдут за тобой, такой вождь приглянется каждому. Таким был, вернее, таким казался нам всем Александр. Знаешь, когда я говорил с теми, кто неотлучно находился подле него все двенадцать лет его царствования, то видел – пелена спала с их глаз только после его смерти. А мне из Фригии довелось разглядеть куда больше, хотя я и крив на один глаз.

Деметрий не ответил. Некоторое время оба молчали, потом юноша спросил:

– Ты знаешь, что там снаружи кричит Антиген?

– Знаю.

– Мы с Неархом просим тебя. Допустим, Неарх тебе никто, но я-то твой сын. И я тебя прошу. Нет, умоляю. Хочешь, на колени встану?

– Если и правда встанешь, я тебя отхожу палкой по спине, как в детстве, когда ты воровал сласти.

Деметрий и ухом не повёл.

– Мы тебя просим пощадить Эвмена. Антиген не просит. Он требует убить его! Он требует! Он, видите ли, оскорблён тем, что Эвмен всё ещё жив!

– Этот бешеный шакал совершенно потерял берега, – кивнул Антигон, – думает, если оставил за собой поле, так уже самого Зевса за яйца схватил. Ничего, его черёд тоже придёт.

– Да ты не слышишь меня, отец! Не желаешь слышать! Он требует, и ты собираешься исполнить его требование! И это видят все!

– Люди запомнят не крикунов, а то, как те кончат. А что касается судьбы Эвмена... Пойми, сын, его нельзя оставлять в живых. Даже лишённый войска, скованный, он остаётся знаменем для Полиперхонта и Олимпиады. Все помнят, что его-то точно нельзя списывать со счетов, пока он дышит. Списали уже раз, когда я запер его в Норе, и что было потом? Хитрый лис вырвался из ловушки, снова создал войско. Из ничего. Завладел царской казной и опять начал одерживать победы! И даже сейчас едва не победил, наша судьба висела на тонком волоске, и весь тот волосок – удача Пифона! Нет, если я послушаюсь тебя, это повлечёт большие беды в будущем.

– Ты боишься собственной тени, – с вызовом сказал Деметрий.

Антигон поднял на него взгляд. Другой бы уже начал опасаться за свою шею, но своего сына, позднего ребёнка, первенца, Циклоп слишком обожал, чтобы гневаться на слова, которые, если подумать, вполне могли сойти за правду.

– Ты ведь сам сейчас сказал – нас только двое с Неархом, кто просит о милосердии. Все остальные жаждут крови кардийца. Он заочно приговорён к смерти. Ты щедро посеял семена ненависти к нему и успешно пожинаешь плоды. Знамя в руках Полиперхонта, говоришь? А сдюжит ли он там, в Элладе, где кроме наших людей ему противостоит ещё и Кассандр? Особенно когда мы закончим наводить порядок в Верхних сатрапиях и вернёмся на запад. А много ли войска у Олимпиады? Они же цеплялись за Эвмена, как утопающий за соломинку. Неужели ты боишься их?

– Я никого не боюсь, – спокойно ответил Антигон, – я всего лишь терпеливо расчищаю Авгиевы конюшни для тебя. Мне шестьдесят пять лет, сын. Долго не проживу. Тебе девятнадцать – вся жизнь впереди. Я хочу, чтобы ты шёл прямо, гордо вскинув голову и не оглядываясь. Оставь Эвмену жизнь и оглядываться ты будешь.

– Но ведь есть и другой путь, – не сдавался Деметрий, – сейчас он враг, но мог бы стать союзником. Столько достоинств в одном человеке. Всегда проще убить. За эти три дня ты так и не пожелал увидеться с ним. Почему? Чувствуешь, что правда не на твоей стороне? Отец, прошу тебя снова – поговори с ним. Отвергнет – содержи как почётного пленника и заведи разговор ещё раз через полгода, через год. Он, наконец, поймёт. Увидит, что люди, что окружают тебя, служат не за страх. Увидит, что это ты тот пресловутый "Наилучший", названный в последнем вздохе Александром.

– Про "наилучшего" всё выдумал Птолемей. Нет, Деметрий. Мне Эвмен служить не станет. Хотел бы я иметь такого соратника, что с подобным рвением будет продолжать мои начинания. Но Эвмен ведь не из пустого упрямства пытается собрать осколки царства. После Норы я уверен – сын Александра и Барсины жив и рано или поздно кардиец вытащит его из небытия. И вот тогда... Неарх, мой и твой друг, наш верный союзник, восемь лет назад он ратовал за Геракла. За кем он пойдёт, когда кардиец предъявит всем мальчика? Ты уверен, что он останется нашим другом?

Деметрий не ответил.

– За восемь лет все насмотрелись на последствия решения в Вавилоне. – продолжил Антигон. – Кардиец умный, он сразу понял, куда всё придёт. Если бы ублюдка Божественного провозгласили царём сразу, вряд ли бы что-то изменилось. Какая разница, как зовут царя, если он не может править? А вот сейчас мальчишке уже двенадцать. Скоро возраст эфеба. Совсем скоро он будет пригоден в цари и Эвмен его всем предъявит. Я уверен, он сумеет доказать, что пытается посадить на трон не самозванца. Наверняка всё предусмотрел.

– Ты всё решил... – мрачно пробормотал Деметрий, – я бесполезно сотрясаю воздух.

– Не бесполезно. Я многое увидел в тебе сейчас. И не скрою, мне понравилось увиденное. Ты всё поймёшь, когда станешь старше, когда доживёшь до моих лет.

– Ты ведь велел Ономарху допросить Эвмена? – Спросил Деметрий после недолгой паузы. – Пытался узнать, где он прячет мальчика?

– Кардиец молчит. Я не отдавал приказ Ономарху на допрос с пристрастием. Эвмен умрёт, но не скажет. Это не тот человек, из которого клещами можно вытянуть что-то помимо его потрохов. Пусть он умрёт без мучений и унесёт тайну в могилу. Кто без него её откроет и предъявит доказательства? Никто ничего не знает, иначе за столько лет уже бы разболтали. Поверь, я людей знаю. Очень немногие способны хранить тайны. Они их тяготят, нутро жгут.

Деметрий вздохнул.

– Как ты поступишь с Антигеном и аргираспидами?

– А как бы ты поступил с предателями?

– предавший раз, предаст снова, – твёрдо ответил Деметрий, – Антиген заслужил смерть.

– Да будет так, – кивнул Антигон, – но с аргираспидами я поступлю иначе.

– Примешь к себе на службу? – удивлённо поднял бровь Деметрий, – этих подлых мерзавцев?

– Вознагражу.

Деметрий скривился.

Постельничий откинул полог, пропуская внутрь Ономарха и Сибиртия. Антигон глазами указал Ономарху, где встать. Тот повиновался и застыл со сложенными руками на груди.

Сибиртий, сатрап Арахосии, недавний союзник Эвмена, низко поклонился. Едва не до земли. Поначалу он последовал за Певкестом, но быстро передумал и наутро после сражения прибежал к Антигону, униженно моля о милосердии. Циклоп простил его и даже обласкал, не стал отнимать сатрапию. Антигон тяготился походом на восток, ибо слишком многое сейчас решалось на западе. Следовало возвращаться, но сначала нужно навести здесь порядок. Не желая сверх необходимости распылять силы и разбрасываться преданными людьми, Антигон оставил части побеждённых сатрапов их владения. Те, что были не очень важны и слишком отдалены.

– У меня есть к тебе дело, почтенный Сибиртий. "Серебряные щиты" оказали мне услугу, которая заслуживает щедрой награды. Старейшие воины нашего великого царя, самые доблестные из нас, достойны великой чести – охранять самые отдалённые рубежи царства. Поручаю их тебе. Раздели их, и распредели по крепостям в своей сатрапии. Выбери самые восточные. Сделай всё без шума и волнений и будешь вознаграждён. В Македонию не должен вернуться ни один из них.

Антигон посмотрел на сына. Лицо Деметрия всё время оглашения приказа оставалось непроницаемым. Встретив взгляд отца, он еле заметно кивнул и вышел из шатра. За ним, пятясь и кланяясь, последовал Сибиртий.

Антигон посмотрел на Ономарха.

– Обставишь дело так, чтобы всё указывало на Тевтама. Когда он отбудет из лагеря, догонишь и прилюдно свершишь суд. Ты всё понял?

Ономарх коротко кивнул.

Нисса, Каппадокия. Четыре месяца спустя

– Мама! Мамочка! – детский голос звенел в залитом солнцем мраморном портике, словно серебряный колокольчик.

– Стой, куда летишь! Лоб расшибёшь!

– Мама, смотри, что у меня!

Темноволосая девочка лет семи, босая и растрёпанная (и когда успела, ведь вроде бы только что заплетали), одетая в пёструю рубаху до колен, всю перепачканную в песке, подлетела к красивой молодой женщине с печальными глазами. Протянула раскрытую ладонь.

– Что тут у тебя? Зуб. Второй уже.

– Мамочка, я тебя люблю! – девочка ткнулась в живот, кольнув женщину выбившейся из волос бронзовой заколкой.

– Тихонько, глупая, забодаешь меня. Ну-ка дай, я посмотрю.

Дочь послушно открыла рот. Ртаунийя осторожно коснулась пальчиком зубов.

– Ещё один качается. Скоро молочные выпадут и вырастут настоящие, крепкие. Будешь зубастая-зубастая!

– И Спитаму укушу!

– Не надо его кусать, что он тебе плохого сделал?

– Он дурак!

– Ты сама виновата, сперва задираешь его, потом сама же и ревёшь. Он хоть и младше тебя, а уже сильнее. Не зря же его зовут Спитама. Ты где у меня так извозилась?

Ртаунийя отряхнула дочь, та вырвалась, запрыгала вокруг матери.

– Всё равно он дурак!

– Ратика, я сейчас тебя накажу, засранка, – погрозила пальцем Ртаунийя, – ну-ка скажи, что имя брата означает на языке батюшки.

Дочь шмыгнула носом, послушно произнесла по-эллини:

– "Обильный силой".

– Вот. Не задирай Спитаму больше, а то он тебя ещё сильнее побьёт.

Девочка отвернулась, изображая обиду.

– Ну, не дуйся, иди обниму. Молодец, уже лучше говоришь, – похвалила Ртаунийя, – почаще с Геликой говори, а то скоро батюшка приедет и рассердится.

Женщина поцеловала девочку в щёку. Той надоело обниматься.

– Пусти, я побегу!

– Ну, беги.

Ртаунийя долго смотрела ей вслед, грустно улыбаясь. Давно ли Ратика была совсем крохой, а уже носится, как лань. Не удержать. И всеми командует. Царица... Не зря же её истинное имя – Ратахшахра. "Дар царства". Ратика, "Старательная" – просто ласковое детское прозвище.

Сына Ртаунийя звала персидским именем только при дочери и ещё в присутствии старого Фравартиша. Это имя – то небольшое, что ей останется от обожаемого мальчика, когда он уйдёт в мир мужчин. На людях он всегда был Филиппом. Спитамой звать нельзя. Македоняне помнят, как другой Спитама-Спитамен накомстил им в Согдиане и Бактрии.

Филиппом сына назвал его отец. В честь великого царя. Дочь, конечно, тоже носила македонское имя – Ланика, но до девочки пока македонянам нет дела.

Ртаунийя была младшей дочерью хшатрапавы Артавазды, Артабаза, одного из самых родовитых вельмож великого хшятийи хшятийянама Дарайавауша, царя царей Дария Кодомана.

Когда великий Искандер вернулся из Индии, он пожелал женить своих друзей на знатных персидских девушках. В их числе оказалась и Ртаунийя. Ей говорили, что её мужа царь одарил великой честью – можно сказать, породнился с ним через неё. Старшая сестра Ртаунийи, Барсина, когда-то была любовницей царя и даже родила ему сына.

Имя мужа она смогла правильно выговорить далеко не сразу. Иные из царских друзей отослали жён тотчас после того, как отгремели свадьбы в Сузах. Лишь немногие, в их числе Эвмен и Селевк оставили их подле себя. Селевк влюбился в свою Апаму без памяти. Эвмен долго привыкал к Ртаунийе, Артонис. Был нежен и ласков, но она всё же чувствовала в нём некую холодность. Однако всё потом наладилось, он привязался к ней.

Родилась дочь. Эвмен назвал её Ланикой, в честь кормилицы царя. Говорил, что хотел сделать ему приятное, ибо царь в те дни переживал большое горе – не так давно умер его лучший друг, Гефестион.

Ртаунийя согласилась. Муж – господин. Его слово – закон. Ланика, так Ланика. Хотя для неё, персиянки, такое имя девочки звучало странно⁷. Сама она тайно дала дочери другое имя, но и то потом переименовала в Ратику. Так меньше косых взглядов.

Когда Искандер умер, Эвмен ушёл завоевывать Каппадокию, а потом перевёз сюда семью. Здесь родился Филипп. Эвмен почти не бывал дома, всё время воевал.

Последний раз Ртаунийя видела его три года назад прежде, чем он ушёл на восток.

Ратика тогда его испугалась, не видела год (несколько месяцев Эвмен провёл в Норе), но потом посидела на руках у отца, подобрела. Только недовольно морщила носик, дескать батюшка, когда целует, больно колется бородой.

"Ты что, ёжик?"

Отец заулыбался. Сказал, что одичал на войне. Бороду сбрил.

Эвмен писал жене часто, вот только забрался в такую даль, что письма шли долго. После смерти Искандера сатрапы скверно следили за работой почтовых станций, созданных некогда Ахеменидами. Вот уже несколько месяцев от мужа не было вестей. Ртаунийя беспокоилась, спрашивала Фравартиша, немногих приставленных к ней македонян, нет ли новостей. Те разводили руками.

Женщина знала, что муж потерял почти всё, что имел, что и его сатрапия теперь принадлежит другому, но здесь, в тихой окраинной Ниссе "фригийцам", слугам Антигона, не было до неё и детей дела.

В Каппадокию, "Страну прекрасных лошадей" пришла весна, сошёл снег и горные реки наполнились до краёв. Повсюду распускались цветы, даже бурая каменистая равнина к северу от Ниссы превратилась в пёстрый ковёр.

Ярко светило солнце, и женщина подставила лицо его тёплым лучам. Блаженно прикрыла глаза, прислонилась к разогретой колонне.

"Всё будет хорошо. Он вернётся..."

– Госпожа моя? – услышала она голос Фравартиша.

Старый воин отца, приставленный к ней в качестве телохранителя, искал хозяйку.

– Я здесь, Фравартиш. Что случилось?

– К тебе прибыли люди твоего супруга, госпожа.

– Письмо? Они привезли письмо?

– Я не знаю, госпожа. Но они не похожи на обычных гонцов. Это Иероним и Антенор.

– Они же не расстаются с мужем, – удивилась Ртаунийя, – что они здесь делают? Пригласи их поскорее.

Фравартиш кивнул и вышел. Через некоторое время в портик вошли два измождённых человека в запylённых дорожных плащах. Она хорошо знала обоих.

Иероним шагнул вперёд.

– Радуйся, госпожа моя, Артонис, – произнёс он негромко. Осёкся.

Мрачный Антенор не двинулся с места. Он прижимал к груди какой-то объёмный свёрток. Было видно, что полотно скрывало нечто тяжёлое.

– Что случилось? Почему вы здесь?

– Мы... – начал Иероним, но замялся. Было такое ощущение, что в горле у него стоял ком.

Кардиец оглянулся на Антенора. Тот принялся бережно разворачивать свёрток. В лучах солнца засверкало начищенное серебро.

⁷ На персидском "ланика" означает – "воин".

Это была урна.

Ртаунийя почувствовала, что ноги её не держат, схватилась за сердце и начала оседать на землю. Фравартиш и Иероним подхватили её.

– Мама! – раздался детский вскрик.

Из-за колонны выглядывала девочка. Антенор перехватил её испуганный взгляд, недоумевающий, почему мама вдруг закрыла лицо руками.

На его загорелой грязной щеке заблестела светлая полоска.

– Ты позаботишься о них? – спросил он Иеронима позже.

– Конечно, – ответил тот, – они мне, как родные. Может быть, ты всё-таки останешься? Антенор покачал головой.

– Тут всё приберёт к рукам Антигон.

– Да, – согласился Иероним, – но за Артонис и детей не беспокойся. Антигон благороден и не причинит им вреда.

– Благороден? – недобро усмехнулся Антенор, – какой же ты всё-таки доверчивый, Иероним. Циклоп убил Эвмена.

– Это сделал Тевтам, – устало, будто объясняя нерадивому ученику прописную истину, сказал Иероним, – и он уже заплатил за своё преступление.

– Ага, прямо посреди лагеря Циклопа. Зашёл в шатёр, который охраняла целая толпа людей Циклопа. И подло убил. А потом спокойно уехал с Сибиртием. Я уже большой мальчик, Иероним. Не верю в сказочки для простаков.

– Мы обсуждали это тысячу раз, – отвернулся Иероним, – и я снова прошу тебя, не называй его Циклопом.

Аntenор перегнулся через перила террасы, расположенной над крутым обрывом, и сплюнул вниз. Старая песня, слышанная ещё в Норе. Антигон снова приветил Иеронима, снова обаял, сразил обхождением. И вот результат – кардиец опять растаял, как масло на солнце. А как же Эвмен? Ну как... Так получилось. Печально, конечно. Великий человек. Иероним непременно напишет о нём книгу. За четыре месяца в пути Антенор устал слушать бредни про благородного Антигона и его сына, в коем кардиец уже видел второго Александра. Как он доблестен, великодушен, умён и красив. Тьфу...

Аntenор давно уже решил для себя, что в Ниссе не останется. Нет-нет, да начинала показывать совесть – получалось, что он бросал семью Эвмена на произвол судьбы. Отдавал в руки Циклопа.

Когда они пересекли Евфрат, Антенор вспомнил про Фарнабаза. Брат Артонис вроде бы точно был ещё жив. Фарнабаз сражался с Эвменом против Кратера, но исчез из виду после поражения при Оркиниях. Позже Антенор слышал о нём, как о вполне живом и здравствующем, но было это давно, и где он находился сейчас – неизвестно. Идею отвезти к нему Артонис с детьми пришлось оставить. К тому же горячо воспротивился Иероним.

"Чтобы дети Эвмена воспитывались персом? Не бывать тому!"

Отмёл Антенор и мысль отвезти семью Эвмена к Барсине. Слишком рискованно. Не пришло ещё время.

На пороге Ниссы Антенор твёрдо знал, что не останется. Сейчас после того, как увидел глаза этой девочки, он уже не был так уверен, что поступает правильно. Пришлось ломать себя. А совесть? Совесть неплохо топится в вине.

– Ты окончательно решил? – спросил Иероним.

– Да. Уйду завтра на рассвете.

– Зря. Зря ты так относишься к Антигону. Не таков он, как думаешь. Жаль.

– Прощу тебя, избавь меня от всего этого.

Аntenор собрался покинуть террасу. Иероним задержал его.

– Куда ты пойдёшь, друг?

Аntenор долго молчал, прежде чем ответить.

– Не знаю. Ойкумена велика и дорог в ней много.

Иероним вздохнул. Антенор зашагал прочь. Остановился. Повернул голову и бросил через плечо.

– И вот ещё что, Иероним. Если ты всё же напишешь свою книгу, как собирался, не пиши ничего обо мне.

Глава 2. Семья

Год спустя. Начало весны. Родос.

В восьмой год после смерти Александра брата его, Филиппа-Арридея, царём уже не называли. Семь лет наследники Божественного развлекали его тень обильным кровопусканием, как вдруг гекатомба⁸ пошла на убыль. Антигон прибрал к рукам все восточные сатрапии. Зарезал Пифона, который, если хорошо подумать, был творцом его победы над непобедимым кардийцем. Вступил в Вавилон, где потребовал от Селевка отчёта о доходах. Тот подобной подлости от Одноглазого никак не ожидал и на всякий случай сбежал в Египет к Птолемею, где принялся жаловаться на жизнь. Да так растрогал Лагида своими стенаниями, что тот назначил его навархом.

Сам Птолемей четырьмя годами ранее незаконно и практически без борьбы отобрал у сатрапа Лаомедонта Сирию, а ныне был всецело поглощён перевариванием проглоченного куска и на деяния Циклопа поглядывал вполглаза.

На западе царица-мать Олимпиада при помощи своего двоюродного брата, царя Эпира Эакида дорвалась, наконец-то, до власти и с упоением начала мстить всем своим многочисленным обидчикам. Убила слабоумного беднягу Филиппа-Арридея вместе с его женой, интриганкой Эвридикой, которой чуть-чуть не повезло самой превратиться во вторую Олимпиаду. Истребила множество знатных македонян, сторонников и родственников ныне покойного регента Антипатра, которого в течение пятнадцати лет безуспешно пыталась сожрать и всячески очерняла в письмах к сыну. Всем отомстила, все обиды припомнила, и действительные, и придуманные. В те дни многим чудился исполненный злорадства хохот, будто бы доносившийся с вершины Олимпа.

Торжество царицы-матери длилось недолго. Хорошо смеётся тот, у кого больше таксисов⁹. Больше их обнаружилось у Кассандра, сына Антипатра. Он захватил и казнил Олимпиаду.

Тенями сошли в Аид те, за чьи права который год македоняне вставали брат на брата, и страстей в Ойкумене сразу поубавилось. Сатрапы и стратеги всё ещё бодались да порывивали друг на друга, но как-то уже пресно, без былого огонька. Куда им, до безумной ярости Олимпиады или гениальной изворотливости Эвмена. Вон, мерзавец Лагид нахапал себе земель, почти за меч не подержавшись.

У простых людей, не своей волей затянутых в этот водоворот войны всех против всех затеплилась робкая надежда, что страсти теперь, со смертью самых буйных, понемногу улягутся. Но вот тем, кто не дурак, было понятно – это затишье перед бурей. Не зря, ох не зря осенью на небе появилась косматая звезда¹⁰. Смертные затаили дыхание в ожидании новых несчастий, которые предвещала небесная странница.

Царя не стало. Как без царя жить?

Вот вы, господа хорошие скажете – гляди, как эллины живут.

Ну да, живут. Свободу любят. Только свобода у них всё время какая-то короткая выходит. Оглянуться не успеешь, то тут, то там опять откуда-то тиран завёлся. От сырости, не иначе. А если не тиран, то олигархи.

⁸ Гекатомба – жертва ста быков.

⁹ Таксис – подразделение фаланги численностью в 1500 человек. Командовал таксисом таксиарх.

¹⁰ В 316 году состоялось очередное прохождение кометы Галлея.

Как кончились у македонян цари, так у эллинов праздник. Ненадолго, правда. Помер где-то на краю света один безумец, так наместник его, Антипатр, пришёл и опять под ярмо всех поставил. Вновь кончился царь, а сынок-то Антипатра, Кассандр, тут как тут, никуда не делся.

Иные дурни утешаются тем, что, мол, в Афинах теперь просвещённый правитель, Деметрий Фалерский. Вот кто исключительно природным красноречием и заботой об отчизне выдвинулся. Кто сказал – "он друг Кассандра"? Ну друг. И что? А уж как он о народе-то печётся. Как он философам покровительствует. Искусства любит. Статуи особенно. Свои. Их уже хорошо так за сотню перевалило и конца-края этому не видать. И пеший он, и на коне, и в колеснице. Меди потрачено неслыханно. За чей счёт, интересно? За ваш, вестимо, граждане афинские.

Спарта раздавлена на боле боя под Мегалополием, пятнадцать лет очухаться не может. Козы давно уже слизали соль с камней, когда-то бывших Семивратными Фивами. Афины уцелели, но утратили свободу. Могущество трёх бывших гегемонов кануло в Лету. Но свято место пусто не бывает, и если где-то убыло богатство, процветание и влияние на соседей, то в другом месте прибыло. Этим другим местом стал остров, отделённый от Карики узким проливом.

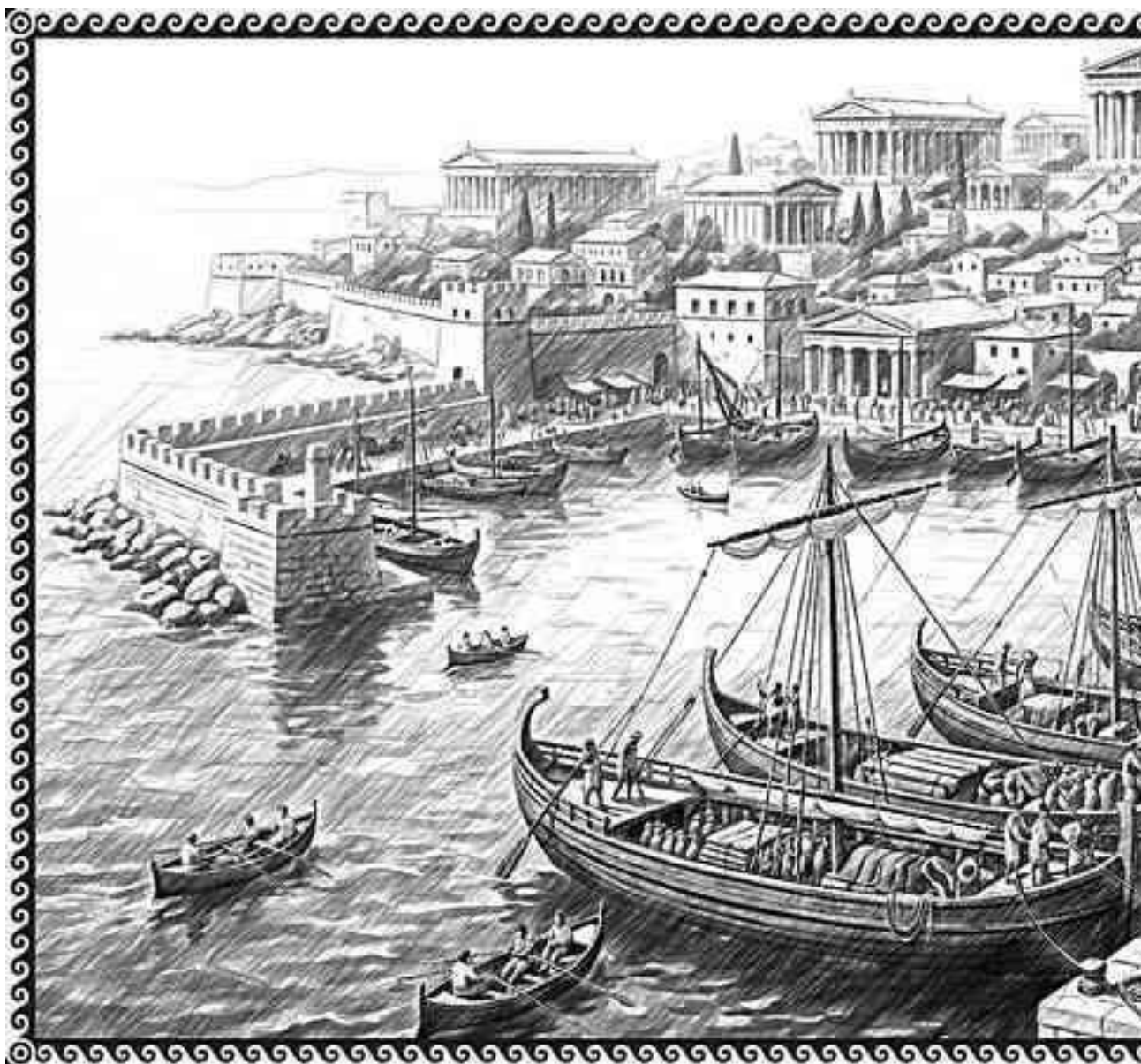
Родос.

Город, одноимённый с островом, совсем молод, века не исполнилось. Однако богатеет не по дням, а по часам – расположен очень уж удачно, вся морская торговля через него идёт.

Не всё для островитян удачно складывалось. Боги завистливы к могуществу смертных. Особенно, если те поклоняются не им. Родос, город Гелиоса, уже трижды переживал разрушительные наводнения. Прошлогодний потоп по силе многократно превзошёл предыдущие. С небес обрушился невероятной силы ливень и град. Градины весом в мину и даже больше проламывали крыши. Чудовищные потоки воды рушили здания, не щадили храмы. Даже городские стены не устояли перед ними. Погибло множество людей.

Не повезло тогда и родосскому пандоклеону, государственному заезжему двору, что располагался возле храма Диониса. Этот район сильнее всего пострадал от завистливой ярости Громовержца. Многие дома до сих пор не были восстановлены. После бедствия первенство по части гостеприимства быстро захватил частный заезжий двор "Золотая рыба", который находился на возвышенности возле акрополя и почти не пострадал. Здесь, в удалении от порта, было и потише, и почище. Меньше шаталось портовой голытьбы. Опять же, слыханное ли дело, хозяин содержал повара, который готовил обеды для постояльцев. Разумеется, комфорт, какой только в финикийских городах и, как говорят, в Александрии имеется, оценили по достоинству посланники сатрапов и стратегов, которые активно искали союзничества набиравшего силу Родоса.

Третьего дня их ряды пополнились несколькими важными мужами, что сошли на берег с прибывшего из Александрии корабля в сопровождении двух дюжин телохранителей и рабов. Уведомив кого следовало о своём визите, мужи предались отдыху, но продлился он недолго – уже не первый год посланники сатрапа Птолемея почитались на Родосе чуть ли не самыми желанными гостями. Их не заставили ждать.

Когда всё посольство в сопровождении почётного встречающего эскорта отправилось к акрополю, один человек отделился и двинулся в ином направлении. То был мужчина лет сорока пяти. Облик он имел, в сравнении с товарищами, довольно скромный, если даже не сказать — неброский, хотя другие послы общались с ним, как с равным по званию.

Звали его Аристомен. Переговорам и обязательному симпозиону он предпочёл прогулку по городу. Потолкался на агоре, заглянул в десяток-другой купеческих лавок, ничего там не купив, после чего до позднего вечера обивал пороги портовых кабаков. В общем-то он имел вид праздного зеваки.

Досужие люди пусть гадают, чего его так манили разнообразные злачные места, но планам его явно суждено было измениться.

Вечером второго дня какой-то мальчишка сунул ему в руку кусок папируса и сразу умчался. Аристомен прочитал послание и продолжил себе слоняться, как ни в чём не бывало.

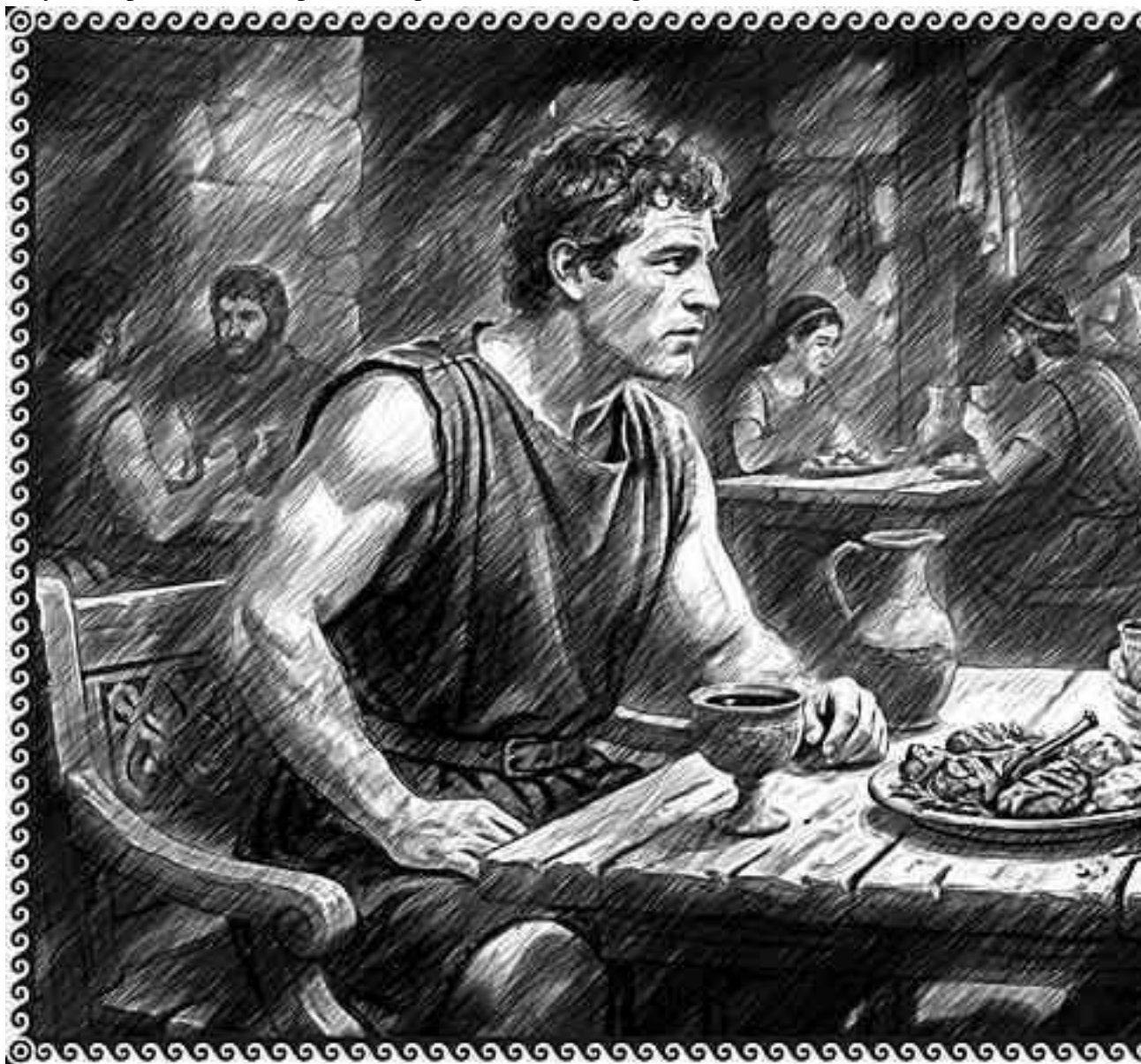
Однако нынешним утром он из "Золотой рыбы" никуда не вышел. Ел, пил, никуда не торопился. Будто кого-то поджидал. Сидел в одиночестве в обеденном зале "Золотой рыбы" за столом, заставленным недешевой снедью, вёл ленивую беседу с хозяином и поминал добрым словом прежнего пандокевста, с коим раньше прительствовал. Тот бедняга не пережил потопа.

Ожидание его было вскоре вознаграждено. В дверях появился человек в запylённой хламиде. Он был несколько старше Аристомена, в некогда угольно-чёрной бороде густо серебрилась седина. Обликом, одеждой, он от македонянина ничем не отличался, хотя по крови наполовину был персом.

Аристомен пил вино, сидя за добротным дубовым столом, к которому никогда не прикасался нож подвыпившего моряка, из тех, что в каждом портовом кабаке норовят, забавы ради, вырезать на столешнице рисунок или надпись непристойного содержания.

Вошедший подсел к нему.

– Будь здоров сто лет, дорогой, – приветствовал он Аристомена.

Речь его отличалась чистым ионическим выговором, однако от эллинского "радуйся" он воздержался.

– Здоровья и тебе, Фарнабаз, – ровным голосом ответил Аристомен, – присаживайся, присоединяйся. У меня тут хиосское, баранина.

– Смотрю, не бедствуешь, – заметил названный Фарнабазом.

– Грех жаловаться.

– Хорошо, видать, Лагид кормит?

– С чего ты взял? – спросил Аристомен, выковыривая застрявшее между зубами мясо.

– Ты прибыл с его людьми.

– Следил за мной? – усмехнулся Аристомен.

– Не поверишь, случайно тебя в городе увидел, – улыбнулся Фарнабаз.

– Ну увидел и ладно. Лет-то сколько минуло. Зачем встречи искал? Неужто старые счёты хочешь свести? – поинтересовался Аристомен ровным, даже с некоторыми ленивыми нотками, голосом.

– С тобой-то? – хохотнул Фарнабаз, доставая нож, – не льсти себе. То, что ты меня тогда вязал там, у Хиоса, не ставит тебя даже в самый хвост очереди моих врагов. Опять же, я помню, каким приятным собеседником ты оказался.

– Ну а как же, – улыбнулся в ответ Аристомен, – не каждый день выпадает такая удача.

– Да уж, "удача". Я, признаться, тебя увидев, очень удивился. Думал, Александр тебе давным-давно голову оторвал, за то, что такого важного пленника упустил. Но, хвала Светозарному, я вижу, что она всё ещё на твоих плечах.

– Да, боги строги, но милостивы, – покивал Аристомен, наливая Фарнабазу вина и разбавляя водой.

Тот принял чашу.

– Твоё здоровье.

Отпил. Богам жертвовать не стал.

– Сходил, стало быть, с царём до края света?

– Нет. Остался в Египте.

– А-а, – протянул Фарнабаз, отрезая себе кусок баранины.

Аристомен некоторое терпеливо ждал, пока гость прожует, однако пауза затягивалась, и он не выдержал.

– Сам-то как поживаешь?

– Ну, скажем так, похуже чем ты, – ответил перс с набитым ртом, – если с самим собой прошлым сравнивать. А так... Вполне. Десятком кораблей владею. Торговля хорошо идёт. Не бедствую.

– Не тоскуешь о прошлой жизни, *купец* Фарнабаз?

Перс вскинул на македонянина взгляд, который рассказал Аристомену многое.

– Не слышал я, – негромко проговорил македонянин, – чтобы кто-то, имевший власть, даже и меньшую, чем у тебя была, вот так запросто с ней расстался. Может такое и бывало, но что-то с ходу не припомню. Разве что твоего отца. Но он, если мне не изменяет память, отказался от власти по старости и ослабшему здоровью.

Фарнабаз не ответил. Выпил залпом и потянулся к кувшину-онхойе.

– Так чего ты от меня хочешь, достойнейший сын своего отца? – спросил Аристомен.

– Рассказать тебе хочу кое-что. Историю одну.

– Ты меня, значит, собирателем историй считаешь?

– Скажи ещё, будто я ошибся. Я, знаешь ли, людей расспрашивать тоже умею. И что-то мне подсказывает, будто твой господин очень заинтересуется этой историей.

– Что ж, я бы рад послушать, но привык, что хорошие истории имеют цену.

– Неужели тебе нечем заплатить? – удивился Фарнабаз и обвёл стол ножом, как указкой, – я думал, ты сейчас в достатке.

– В достатке. Я, дорогой друг, вполне способен оценить очень хорошую историю из уст купца, но не имею ни малейшего понятия, во сколько мне встанет история бывшего сатрапа.

– Меня не интересуют деньги, – ответил Фарнабаз.

– Что тогда, если не деньги?

– Ничего.

– Ничего? – заломил бровь Аристомен.

– Ничего, – подтвердил Фарнабаз и пояснил, – видишь ли, если после моего рассказа дела пойдут так, как мне хотелось бы, я получу своё независимо от желания твоего или Птолемея расплатиться.

– Признаться, ты меня заинтриговал, – Аристомен подпёр подбородок кулаком, – я весь обратился в слух.

С их последней встречи прошла целая жизнь, ни много, ни мало – восемнадцать лет. Тогда Фарнабаз, старший сын могущественного сатрапа Артабаза и сам сатрап, владетель Гелеспонтской Фригии, после смерти своего родного дядьки, родосца Мемнона, главнокомандующего персидскими войсками в Ионии и на островах, присоединился к флотоводцу царя царей Автофрадату. Вместе они баламутили эллинов-островитян, надеясь оторвать их от Александра, дошедшего к тому времени до Финикии. Помогали спартанскому царю Агису в его борьбе с македонянами. Мемнона Александр считал самым опасным своим врагом, племянник же оказался не столь искусным полководцем. В сражении возле Хиоса персы были разбиты македонским навархом Гегелохом и Фарнабаз попал в плен. Однако, когда Аристомен, в ту пору гипарет-порученец Гегелоха, вёз его к Александру, сатрап сумел сбежать.

Вскоре дело врагов Александра на западе было полностью проиграно. Антипатр, наместник Македонии, разгромил восстание Агиса. Остатки некогда внушительного персидского флота рассеялись. О Фарнабазе много лет почти не вспоминали. Лишенный власти, богатства, потерявший почти всех своих людей, он осел на Родосе, у родичей своей матери-эллинки.

Остальные сыновья Артабаза вместе с отцом продолжали сражаться против Александра на востоке. Когда Дарий потерпел окончательное поражение, потерял царство и жизнь, Артабаз с сыновьями покорился победителю. Все они, кроме Фарнабаза, поступили на службу к Александру. Престарелый Артабаз даже вновь получил сатрапию, Бактрию.

Фарнабаз же так и продолжал сидеть на Родосе. В городе стоял македонский гарнизон, но наместники Александра в качестве врага бывшего сатрапа уже не воспринимали и не трогали.

Когда Александр умер, его преемники начали войну друг с другом и вот тогда Фарнабаз покинул Родос. Присоединился к Эвмену, своему зятю, и тот в битве против Неоптолема, сатрапа Армении, доверил шурину командование персидской конницей.

– Накануне того дела к войску прибыл мой брат Каувайча. Приехал из Ниссы и привёз письмо от Ртаунийи. Мы с ним почти десять лет не виделись. Обнялись, пировать стали. Вижу, что-то гнетёт его. Расспросил – молчит. Отнекивается. Не понравилось мне это. Вина ему принялся подливать, дабы разговорить, а он ни в какую. Только и смог вытянуть из него: "Хотел бы тебе, Фарнавазда, открыться, да не могу. Пока не могу. За сестру боюсь. Обдумать всё надо". Обиделся я тогда на него. Брат родной, а не доверяет.

– Так и не сказал? – спросил Аристомен.

– Не сказал. Он помянул сестру, а я подумал, не случилось ли чего с ней. Пристал к Эвмену. Он посмотрел на меня... странно. Сказал, что болела Ртаунийя по женской части, но всё обошлось и не стоит мне беспокоиться. А на следующий день была битва и славная победа. Вот только для Каувайчи она оказалась последней. Сложил он там голову.

Фарнабаз опрокинул в себя ещё одну чашу и уронил голову на грудь.

– Никогда не прощу себе... О, Светозарный Митра, почему ты в тот день наказал меня косноязычием? Почему я не смог разговорить его?

Некоторое время он молчал. Аристомен терпеливо ждал.

– Я пробыл с Эвменом ещё год, – продолжил, наконец, Фарнабаз, – а после поражения при Оркиниях наши дороги разошлись. Эвмен укрылся в Норе, а я вернулся сюда. Спустя пару лет накатила на меня тоска и захотелось родню разыскать. Братья, Аршама и Аребрдана на востоке сгинули. Артакаму выдали за твоего господина, да он её в Сузах бросил. На письмо не ответила, не знаю, жива ли. Ртаунийя ответила, только про неё знаю.

– Ещё ведь сестра у тебя есть, – осторожно заметил Аристомен.

– О ней и речь, – кивнул Фарнабаз, – Барсина. Я знал, что она в Пергаме. Написал. Не ответила. Сам поехал, а её и нет там. Опешил я, искать начал. Объездил все отцовские усадьбы. Нигде нет. Наконец, повезло мне отыскать старую Рзабару, служанку её. Жива ещё бабка была, хвала Митре. Вот она-то мне и рассказала, что давно уже, восемь лет назад, двое царёвых посланников увезли Барсину и ребёнка, а куда, то ей неизвестно. И одним из тех посланников был Каувайча, потому Барсина поехала с ним спокойно и без страха. Огорчалась только Рзабара, что её с госпожой не взяли. И как в воду с тех пор Барсина канула.

Он замолчал. Аристомен некоторое время переваривал услышанное, потом заметил:

– Да уж, брат из тебя никудышный, раз ты столько лет о сестре и не вспоминал.

Фарнабаз поднял на него взгляд, но ничего не ответил.

– Зачем ты мне это всё рассказал? – спросил Аристомен.

– А ты не догадываешься, явана? – зачем-то по-персидски спросил Фарнабаз, – скажи-ка мне, где сейчас ваш царь?

– А-а... – пробормотал Аристомен. – Да, царя-то у нас уже, почитай, почти год нету.

– Скоро будет, – оскалился перс, – Антигон прибрал к рукам почти всё, чем владел Дарай-авауш. Египет и Сирия остались. К гадалке не ходить – скоро, ой как скоро Циклоп назовёт себя хшайтийей. А между тем может статься, что царь-то ваш жив-здоров. И всяко уж законней Одноглазого, хотя и рождён не в браке.

– Это кто? – удивился Аристомен.

– Племянник мой, – ответил Фарнабаз, – сын Барсины.

– Ах вот оно что...

Аристомен задумчиво почесал бороду. Пробормотал себе под нос:

– Признаться, я и забыл про него. Не слышал, чтобы хоть кто-то вспоминал про мальчика...

– Того Эвмен и добивался, – кивнул Фарнабаз.

Македонянин поднял на перса взгляд.

– Причём здесь Эвмен?

– А при том, – ухмыльнулся бывший сатрап, – что повезло мне отыскать того македонянина-фрурарха¹¹, кто тогда в Пергаме гарнизоном командовал. И рассказал он мне, будто тот, второй, который с Каувайчей приехал, предъявил знак ангара¹² и подорожную, выданную Эвменом. Заметь – не Пердиккой. Да и сам посуди, кто ещё из ближних Александра стал бы печься о Барсине, прятать её от остальных, как не мой дорогой зять? Дела семейные.

из себя Аристомен.

Он довольно долго молчал, переваривал услышанное. Наконец, неуверенным тоном сказал:

– Ну вот не нашёл ты сестру с племянником, что логично. Прятать их в отцовских владениях было бы величайшей глупостью, там бы в первую очередь искали. А куда Эвмен их спрятал?

– Понятия не имею, – ответил Фарнабаз.

– То-то и оно. Знали, видать, всего трое. Двое точно мертвы, а третьего как искать, если даже имя его неизвестно? Или известно?

– Не-а, – покачал головой перс, облизывая жирные пальцы, – фрурарх имени не запомнил. Но тот, вроде, представился, как гипарет Эвмена. Чай не сотни же у него порученцев было. Может я даже и знаком с ним. Может даже в одном шатре локтями толкались. Эх, знать бы имя...

¹¹ Фрурарх – начальник воинского гарнизона города или крепости.

¹² Ангар – гонец регулярной почтовой службы в царстве Ахеменидов и позже Александра. – Н-да... – только и смог выдать

– Не скажи, насчёт сотен, – возразил Аристомен. – Вот как ты от меня сбежал тогда, я к царю прибыл и от Тира до Египта при грамматеоне состоял. Тоже, по особым поручениям.

– Это за что тебе такая честь, неудачнику? – удивился Фарнабаз.

Аристомен не ответил. Смотрел в пустую чашу и поглаживал бороду.

Фарнабаз поднялся из-за стола.

– Ладно. Я своё дело сделал, кость вам бросил. Ничего взамен не прошу, думаю, сам понимаешь, какая моя выгода в этом деле.

– погоди, – задержал его македонянин, – скажи только, почему именно мне всё рассказал? Мы знакомы с тобой еле-еле.

– А кому? – удивился Фарнабаз, – этим царевубийцам за морем? Или Одноглазому? Открываться им – всё одно, что волка в пастухи звать. Да и как-то не было okazji.

– Поэтому решил позвать зайца¹³? – усмехнулся Аристомен.

– Есть у меня ощущение, – ответил перс, – что твой господин в этой компании – самый приличный. Не считая зятя моего. Вот уж кто поистине был верен и благороден. Надеюсь, не дрогнул под его ногами мост Чинвад и пребывает он теперь в Доме Песни.

Он помолчал немного и добавил:

– Тебя, Аристомен, я не выслеживал и, сказать по правде, планов открыться Лагиду не имел. Со стороны глянуть – наша встреча случайна, но мнётся мне – неспроста свёл нас Светозарный Митра именно сейчас. Нет здесь случайности, знак это свыше.

– Может этого эвменова ближника и в живых-то уже нет, – возразил Аристомен, – и времени прошло много, поди-ка, разыщи теперь иголку...

Фарнабаз упрямо мотнул головой.

Аристомен прикусил губу.

– Постараюсь сделать, что смогу, – пообещал македонянин и протянул персу руку с раскрытой ладонью.

Тот скосил на неё взгляд, раздумывал несколько мгновений, а потом сцепил предплечья с посланником Птолемея.

– Я живу возле храма Асклепия. Там мой дом тебе кто угодно укажет.

Сказав это, перс повернулся и вышел прочь. Македонянин ещё довольно долго просидел за столом, но ни к вину, ни к пище больше не притронулся. Думал.

В последние годы он служил в грамматеоне Ефиппа, который состоял при дворе египетского сатрапа кем-то навроде Эвмена при Александре. Для виду – грамматик, секретарь. Ефипп так же, как и кардиец в своё время, заведовал тайнами государства. Здесь, на Родосе, Аристомен по приказу Ефиппа встречался с кое-какими осведомителями. Птолемей уже давно обхаживал местных пританов и архонтов, рассчитывал заполучить остров себе в союзники и действовал не только уверениями в дружбе и подарками.

Эта случайная встреча с Фарнабазом вне всякого сомнения – большая удача. Конечно, по сути, перс всучил ему kota в мешке, но хотя бы подарил, а не продал. Кто знает, способны ли эти сведения принести хоть какую-то пользу Египту, да и вопросов без ответов они породили с лихвой, но всё же пренебрегать услышанным Аристомен не собирался.

Трудность заключалась в том, что он не мог немедленно отправиться обратно в Александрию. По заданию Ефиппа ему предстояло далее прибыть в Киликию и присоединиться там к другому египетскому посольству. Отплытие было намечено на завтра. Поистине, как нельзя более кстати они столкнулись с бывшим сатрапом.

Ну что ж... До мальчика никому не было дела восемь лет. Подождёт ещё.

¹³ Лаг, имя отца Птолемея I, переводится, как "заяц".

Вот о чём македонянин не подумал, так это о том – не лучше ли Гераклу, сыну Александра тихо прожить всю свою жизнь в неизвестности. Как-то вот не пришла такая мысль Аристомену в голову.

Глава 3. Падение

Месяцем позже. Библ, Финикия

Тёплые деньки в "Стране пурпура" начали прибывать уже в антестерионе¹⁴. В Эгеиде ещё не окончился сезон штормов, ещё дремали в корабельных сараях зимовавшие на суше крутобокие пенители морей, а в Финикии они уже всю распускали паруса. Каждый день всё новые и новые караваны купцов прибывали к побережью из глубин Азии, оживляли торговлю, пробуждая её от зимней спячки.

Поначалу, конечно, всех радовала подобная милость Благого Господина Баал-Хамона, но вскоре благодарственные молитвы поутихли, а косматую звезду снова припомнили. В конце месяца виноградной лозы солнце жарило уже совершенно по-летнему, вызывая тревожные мысли о грядущей засухе.

В Библе жизнь на торговой площади возле храма Баалат-Гебал¹⁵ кипела лишь в утренние часы. К полудню площадь пустела. Торговцы, ремесленники, трапедзиты-менялы, покупатели, нищие, воры и стражники спешили укрыться от зноя. Некоторое оживление ещё наблюдалось на краю торговых рядов, в окрестностях Священного бассейна, где росло несколько дубов. Их тень и близкая водная гладь давали спасительную прохладу и именно сюда направлялся Антенор, с самого утра толкавшийся по рынку.

Светлокожий македонянин отчаянно страдал от жары и спустил с плеч пропитанный потом хитон. Солнечные лучи без труда проникали сквозь неплотное плетение его грубой соломенной шляпы и дабы не обгорели шея и плечи, он набросил на них свёрнутый в несколько раз плащ.

Место было занято. Под облюбованным Антенором дубом стоял воз, с которого два сирийца торговали раскрашенными горшками.

– А скажите, почтенные, – спросил македонянин, – кому из богов справедливее вознести хвалу за столь великолепную погоду? И услышит ли чужеземца Баал-Хамон?

– С чего вдруг тебя это беспокоит? – спросил один из сирийцев, тот, что постарше, – вы, яваны, всех богов зовёте по-своему. Своим богам и молись.

– То верно, – согласно кивнул Антенор, – но за время, что я провёл здесь, меня не покидала мысль, что на чужих богов хорошо плевать, когда за тобой стоит тысяч десять крепких ребят с сариссами. Да и то, наш царь предпочитал с ними не ссориться. А в моём нынешнем положении не вредно запомнить пару-тройку молитв к здешним хозяевам.

Выглядел он скверно. Давно не брил бороды, оброс, исхудал. Край выдавшего виды хитона обтрёпан и подшит кое-как – только чтобы за раба не приняли. Всего имущества – нож за поясом и плащ с прорехой.

– Если так весной жарит, что летом будет? – пробормотал македонянин себе под нос, ни к кому не обращаясь, – этак ведь и сдохнуть не мудрено.

– А верно говорят, будто у вас зимой море в твёрд превращаеца? – спросил молодой сириец.

– Не, это у скифов, – ответил Антенор, – у нас, в Македонии, море, как море.

– Значит, нэт такого у вас? Так и думал, что врут.

¹⁴ Антестерион, "месяц виноградной лозы", начинался в середине февраля.

¹⁵ Баалат-Гебал – "Владычица Библа", верховная богиня этого города. Отождествлялась с египетской Хатор, богиней неба, любви, женственности, красоты, плодородия, веселья и танцев.

– Я слышал, будто в эту зиму в стране колхов произошло какое-то несусветное бедствие. Вроде как действительно море замёрзло на несколько стадий от берега, – возразил Антенор.

Он бегло болтал по-персидски, легко по речи отличал мидянина от бактрийца, мог вполне сносно объясниться и с финикийцем, и с теми же сирийцами на их родных языках, но пригождались эти навыки ему нечасто. Здесь чуть ли не все говорили на аттическом наречии. Обрастая варварскими словечками и упрощаясь, оно стремительно превращалось во всеобщий язык.

– Брехна, – уверенно заявил молодой, – морякам вабче вэрит нилза. Врут через слово, как дышат.

– Я слышал такие речи и про купцов, – прищурился Антенор.

– Ты кого назвал лжецом, а? – моментально взвился сириец.

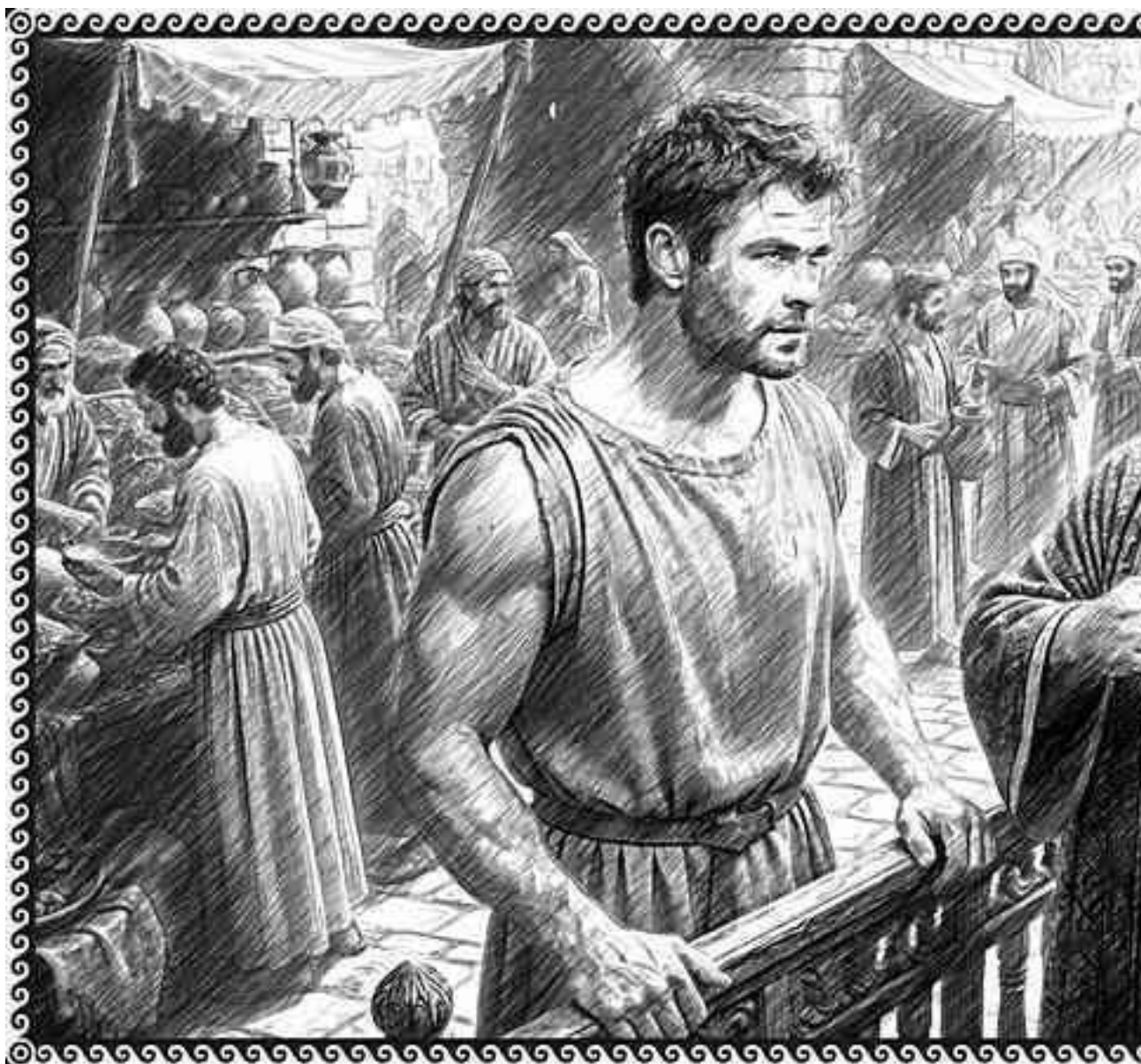
– Точно не тебя, почтенный, – примирительно поднял руки Антенор, – ты ведь, как я погляжу, гончар?

Он поспешил сменить тему разговора и принялся расхваливать роспись товара. Мода на всё эллинское добралась и сюда. На горшках красовались олимпийские боги и герои. Их явно копировали с аттических образцов, вот только до оригинала им было, как муравейнику до Олимпа.

– Это что тут нарисовано? – поинтересовался у сирийцев ещё один прохожий.

– Поедынок Гектора с Агеллай, – сказал сириец, – нравица?

– С Ахиллом, – поправил Антенор.

– Да сколько можно малевать такое? – фыркнул прохожий, – с афинскими всё равно не сравнить. Изобразил бы лучше голых баб!

– Нашёл чего просить, он их такими убогими рисует, что так и хочется одеть! – прыснул его товарищ.

Молодой сириец аж побагровел, дар речи потерял. Пожилой гончар возмутился.

– Ай, уважаемый, не покупаешь, зачем хаять? Давай, ходи отсюда.

Аntenор не стал участвовать в перепалке, полез ближе к воде. Какой-то зазывала, сорвавший голос, устало хрипел:

– Папирусы. Чистые папирусы. Для письма.

– А чего они в пятнах? – спросил Антенор, – рыбу заворачивали?

Зазывала скривился.

– Иди отсюда, слушай, да?

Неподалёку группа зевак делилась впечатлениями от посещения передвижного зверинца.

– Да видел я ту гиену, тоже мне диво. Псина и псина. Вот в прошлом году два родосских купца показывали на островах павлина, вот это чудо из чудес. Говорят, из самой Индии привезён.

– Павлина? Что это за зверь?

– Не зверь, а птица.

– Птица? И сладко ли поёт?

– Нет голоса ужасней. Мне Архилох напел, я содрогнулся.

– Архилох? Ему можно верить. Что же в ней тогда примечательного?

– Я слышал, красоты она неопишумой.

– А это случаем не те два родосских прохвоста, что третьего дня тут похвалялись своими подвигами? Признаться, я чуть было не уснул во время этой повести...

Антенор непроизвольно зевнул, и вдруг напрягся. Вытянул шею, высматривая что-то или кого-то поверх голов.

Восемь рабов тащили дорогие открытые носилки, на которых возлежал богато одетый полноватый старик. Навстречу носилкам степенно вышагивали два вола, тянувших телегу, нагруженную какими-то тюками.

Рабы попытались с телегой разминуться. Хозяину это, как видно, не понравилось, он прикрикнул, чтобы посторонились вола. Рабы послушно остановились, а вола нет. Рабы вынужденно подались в сторону, один из них оступился, носилки накренились, и хозяин кубарем покатился на землю под хохот зевак. Телега проехала мимо.

Старик с кряхтением поднялся и разразился потоком брани в спину зажиточного крестьянина, восседавшего на мешках. Тот обернулся и невозмутимо показал старику неприличный жест. У деда встопорщилась ухоженная борода.

– Да что же это такое делается, люди?! Меня, всеми уважаемого Гамил-Нинипа, отдавшего здоровье ради спасения Отечества поносит всякий немытый скот?! Доколе?!

– Чего орёшь, старый? – окликнул старика какой-то прохожий, – когда это ты сражался за Отечество?

– Да я с персами... – закипел старик, оглядываясь по сторонам в поисках насмешника, – да я...

Старик задохнулся от бешенства, закрутил головой, высматривая очередного обидчика. Взгляд его упал на провинившегося раба, который стоял, ни жив, ни мёртв.

– Ах ты, мерзавец! Скотина тупая!

Он выхватил из носилок палку и замахнулся на раба, но не ударил, его руку перехватил Антенор.

– Не бей парня, Нинип. Убьёшь, ему же обидно будет.

Старик резво вывернулся, сверкнул очами, собираясь обрушиться на нового негодяя, но неожиданно ступешался.

– Ты что ли опять? Чего ко мне привязался? Не знаю я ничего! Сказал ведь уже раз – не знаю! Да и знал бы, не перед тобой, оборванцем, мне ответ держать!

– Да ладно? – притворно удивился Антенор, – а мне показалось, ты прямо-таки мечтаешь кое-что мне поведать. Неужто обманулся?

– Обманулся, ты, обманулся. Иди своей дорогой, пока мои люди тебя не отделили!

– Эти, что ли? – усмехнулся Антенор и кивнул на обливавшихся потом рабов.

– Эй, Зор, где ты там, ленивая скотина? – закричал старик.

– Господин, не надо, господин, – тронул Антенора за локоть провинившийся раб.

Антенор уже и сам видел, что разговора не получится. К нему, поигрывая палкой, направлялся чернобородый лысый детина, вдвое шире македонянина в плечах.

– Хватай его Зор! – завопил старик.

Тот, однако, в точности исполнять приказ не спешил. Приближаясь к македонянину, он на мгновение скосил глаза куда-то в сторону. Потом снова уставился на Антенора.

– Ты. Ходи отсюда. Хозяин говорить не будет.

Антенор снова усмехнулся, но на рожон лезть не стал. Шагнул назад, повернулся. И тут на него налетели, едва с ног не сшибли. Какой-то оборванец, обликом почти неотличимый от самого македонянина.

– Смотри, куда прёшь!

Оборванец в ответ пролепетал что-то невнятное и был таков.

Аntenор отошёл в сторону, исподлбья поглядывая на Гамил-Нинипа, который продолжал орать на рабов и Зора. И вдруг схватился за пояс.

Ножа не было.

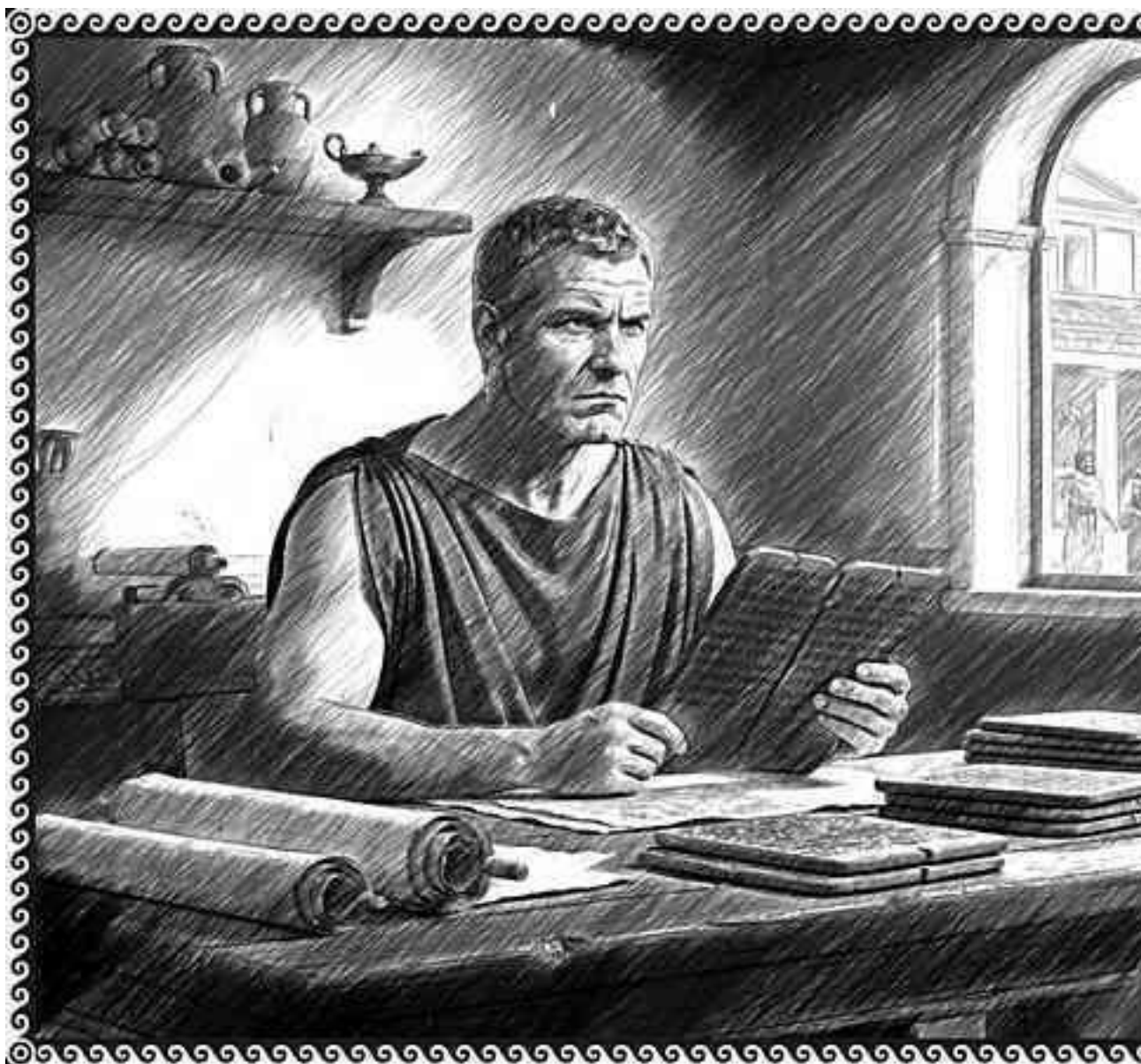
Взгляд Антенора внезапно сделался очень озабоченным. Он огляделся по сторонам и заторопился прочь с площади.

За храмом Баалат располагался дворец наместника. Раньше он принадлежал царям Библа, но после падения Ахеменидов нынешний царь Адар-Мелек присвоил себе более роскошный персидский дворец, а свои прежние покои уступил наместнику Александра. Потом здесь разместился чиновник, назначенный сатрапом Лаомедонтом, а когда Финикию захватил Птолемей, эти хоромы достались его людям.

Аntenор вошёл в небольшой неприметный домик, стоявший неподалёку от дворца. Здесь обитал архифилакит¹⁶ Павсаний, местный глава службы, которую Лагид недавно учредил в Египте, а теперь распространил и на Сирию.

Скучавшая у входа стража пропустила Антенора внутрь беспрепятственно. Его здесь знали. Павсаний сидел за столом, заваленном папирусами и что-то писал. Бросил быстрый взгляд на вошедшего, и вновь углубился в работу.

¹⁶ Архифилакит – полицейский чиновник в эллинистическом Египте.

– Что скажешь? Говорил с Нинипом?

– Говорил, – процедил Антенор.

– И как?

– Никак.

– Понятно, – безо всякого выражения сказал Павсаний.

Некоторое время оба молчали. Архифилакит посадил на папирус кляксу, вполголоса выругался и снова посмотрел на Антенора.

– Я тебя предупреждал. Ты для них червь. Раздавят, и не даже не успеешь разглядеть, кто.

– Что же, отступить? – недовольно спросил Антенор.

– Это было бы разумно.

– И это говорит мне архифилакит.

– Просто я знаю пределы своих возможностей, – пожал плечами Павсаний, – они распространяются не слишком широко. Ты норовишь перейти дорогу уважаемым людям. Кончится тем, что тебя найдут в какой-нибудь канаве с перерезанным горлом.

– Казнён невиновный, – сказал Антенор, – истинный преступник на свободе. И всем наплевать.

Павсаний снова оторвался от папируса.

– Конюх был виновен. Лошадей украл? Украл. Сознался. Чем ты недоволен?

– Тем, что лошадей не нашли.

– Ну, что же тут сделаешь. Смирись. Лошадки уплыли, и награды от Мелека тебе уже не видать. Не повезло, сочувствую. Как думаешь, это отскрести можно?

Последние слова его относились к испорченному папирусу.

– Возьми новый, – буркнул Антенор.

– Ага, сейчас. У меня пальцы уже задеревенели, опять всё заново переписывать?

– Купи раба. Я сегодня слышал зазывалу, продавали раба, знающего три письменных наречия, включая эти ваши египетские картинки. А насчёт уплывших лошадок, я же говорил тебе – в порту их не видели.

– Не обратили внимания.

– Это же царские лошади, как можно на них внимания не обратить? Весь город их на Играх видел.

Павсаний пожал плечами.

– Если без дорогой сбруи, почему нет? Лошади, как лошади.

– Э, Павсаний, сразу видно, что ты ничего в этом деле не понимаешь. Это же "нисейцы"! Их стать ни с чьей другой не спутать. Они таких деньжищ стоят, каких ты и представить не можешь.

– Я могу представить довольно много, – пробормотал Павсаний, скобливший кончиком ножа ещё не совсем подсохшие чернила.

– Да и к тому же той гиппогоги¹⁷, которую назвал конюх, в порту не было. И погода была плохая.

– Вот потому никто лошадок и не видел. Погода была плохая, никто в порту праздн не шатался.

Антенор покачал головой.

– Ну, допустим, ты прав, – сказал Павсаний, – на корабль их не заводили, городская стража тоже не видела. Куда же они делись?

– Сто раз уже говорил, в конюшнях Эшмуназара надо посмотреть.

– Ха, кто ж тебе это даст? Даже сам царь к нему с обыском нагрянуть не посмеет. Да и домыслы это всё. Никаких доказательств того, что царских лошадей украл Эшмуназар, у тебя нет. Приказчик его с тобой разговаривать не стал. Не подступиться к ним, а нам нет резона ссориться с этими людьми. Тут не Египет. Пока что.

Антенор недовольно посопел, но ничего не ответил.

– Ты чего пришёл-то? – спросил Павсаний. – Поплакаться, что Нинип с тобой не стал разговаривать? Или может его мальчики тебе бока намяли?

Антенор кашлянул.

– Тут... такое дело. Нож у меня украли.

– Нож?

– Ну да. Помнишь, рукоять ещё приметная такая.

– Точно украли? Может, потерял?

– Точно.

Павсаний сунул гусиное перо в чернильницу, отложил в сторону папирус и скрестил руки на груди.

– Вор у вора дубинку украл?

– Я не вор, – огрызнулся Антенор, – ты же меня знаешь.

Павсаний покивал.

– Ну да. Целых три месяца.

Антенор решил эту тему не развивать.

¹⁷ Гиппогога – судно для перевозки лошадей.

– Ты ведь понимаешь, что происходит? К чему грабить нищего? Если только не нужно, чтобы вскорости обнаружился покойник с моим ножом в груди. А уж опознать нож видаки найдутся.

Павсаний поскрёб подбородок. Откинулся на спинку кресла и посмотрел на Антенора так, будто впервые его увидел.

– Да уж. Похоже, я был неправ. У кого-то рыльце-то и впрямь в пушку. И это не конюх. Интересно, почему они тебя решили не просто втихушку зарезать, а подставить?

– Не знаю.

– А может это не Эшмуназар? Может, ты ещё кому дорогу заступил? Наш пострел везде поспел, а?

Антенор не ответил.

Павсаний помолчал немного, потом сказал.

– Хорошо, что сразу пришёл ко мне. Ступай пока. Если что нехорошее случится, если местные тебя схватят, я прикрою.

– Павсаний, – попросил Антенор, – возьми меня к себе.

– Нет. Ты мне как отакоуст¹⁸ более полезен.

– Тогда денег дай! – рассердился Антенор. – Я тебе тут не за спасибо уши заливаю!

– Ты пока не очень-то много туда залил, – скривился Павсаний, но всё же потянулся к шкатулке, стоявшей на столе, и отсчитал четыре обولا.

Антенор некоторое время молча взирал на медяки.

– Павсаний, ты совсем охренел? Гребец триеры столько за два дня получает!

– Ну, так иди и греби, если тебе мало, – огрызнулся Павсаний, но всё же добавил ещё четыре монеты, – "мало", кошка кричала... Хватит пока с тебя, ступай.

– Скупердяй... – процедил Антенор и вышел.

К вечеру он пришёл на окраину города, к заезжему дому, самому дешёвому в Библе и служившему ночлежкой для бедняков, не имевших крыши над головой. Заезжий дом сей более напоминал хлев, нежели место, где пристало ночевать людям, но Антенору сейчас было не до излишеств. Не под звёздами спать, и то ладно. Днём хоть и жара, но ночи холодные. Околеешь в два счёта. Однако и тут его ждал неприятный сюрприз.

– Эй, явана! Ты нэ забыл про долг? – тепло приветствовал македонянина хозяин заведения, сириец.

– Не забыл, – буркнул Антенор.

Он пошарил в складке пояса, длинной полосы льна, сложенной вдоль, и вытащил несколько медяков. За соломенный тюфяк в комнате с тараканами, где храпело и пускало ветры человек десять, тут брали два халка в день, четверть обولا. Однако Антенор уже задолжал столько, что сразу же расстался со всеми деньгами, которые ему выдал Павсаний.

Хозяин монеты сгрёб, пересчитал. Внутри македонянина не пропустил.

– С тэба ещё два обол.

– Я позже расплачусь. Отдал же большую часть.

– Мнэ надоело ждат. И драхма впёрёд давай. Мало платишь.

– Да чтоб тебя... – буркнул македонянин.

Он снова порылся в поясе и вытащил всего одну серебряную монетку, да и ту обломанную. Скрипнул зубами.

– Прости, уважаемый, боги нынче мне не благоволят.

– Нэт дэнег?

Антенор покачал головой.

– Проваливай. Нэ забывай про долг. Найду из-под зэмля.

¹⁸ Отакоуст – шпион, агент внутренней разведки (агент внешней разведки – катаскоп).

Аntenор вздохнул.

"Придётся снова уподобиться собаке Диогену".

Ночевал он в большом пифосе из-под зерна в порту. Закутался в плащ и всю ночь стучал зубами, размышляя, как быть дальше.

Дела шли скверно уже давно. В Ниссе Артонис снабдила его деньгами, но хватило их ненадолго. В Киликии Антенор продал шлем. Потом пришла очередь льняного панциря. Остался меч.

В Тарсе Антенор свёл знакомство с лихими людьми, промышлявшими морским разбоем, но пробыл в их обществе недолго. Душегубство не на войне ему претило. Он никак не мог найти себе занятие. Пойти наёмничать? Поначалу он гнал эту мысль, не желая снова участвовать в усобицах сатрапов-изменников. Не хотелось самому предавать всё то, ради чего сражался и погиб Эвмен. Однако голод не тётка, и в последнее время македонянин частенько подумывал, что идея не столь уж и плоха.

Чем он только не занимался. И скот перегонял на зимние пастбища и беглых рабов разыскивал. В последнем особенно преуспел, но вступил на этом поприще в серьёзные тёрки с некоторыми глубокоуважаемыми людьми. Из Киликии пришлось убраться.

В Иссе Антенор продал меч и направился в Финикию, в надежде поступить в ангарейон. При Лаомедонте в Сирии сеть подорожных станций, где царские гонцы-ангары, "летевшие быстрее журавлей", могли получить свежих лошадей, почти развалилась, но рачительный Лагид начал всё восстанавливать заново. Однако ни в Триполе, ни в Библи Антенора в ангарейон не взяли. Не захотели связываться с подозрительным голодранцем в таком деликатном деле, как доставка государственных писем, чаще всего секретных. Даже не поверили, что он верхом ездит.

Кто знает, до какой крайности он бы докатился, если бы не случайно подслушанный на рынке разговор о краже. Антенор всегда отличался наблюдательностью, да и нить его судьбы в тот момент свилась исключительно удачно – вора он вычислил очень быстро, чем обратил на себя внимание архифилакита. Павсания особенно впечатлило то, что в Библи Антенор обретался лишь несколько дней и, тем не менее, моментально сориентировался в незнакомом городе среди незнакомых людей. Так Антенор и сделался отакоустом, "ушами" архифилакита. В сей роли он себя чувствовал неуютно, но тешился надеждой, что дела рано или поздно пойдут на лад.

Однако что-то не пошли. Вскоре после Посейдоновых Игр, на которых победу одержала колесница, снаряжённая царём Адар-Мелеком, по Библи пронёсся слух, будто лошадей украли. Виновного назвали быстро – им оказался скорбный умом конюх царских конюшен. Под пыткой он оговорил себя. Лошадей не нашли. Косноязычный конюх, которого лошади понимали куда лучше, чем люди, заявил, будто продал красавцев какому-то киликийцу, который уже отчалил.

Аntenора к следствию никто не допускал (ещё бы тут всякий голозадый свой нос везде совал), но обстоятельства дела выплеснулись наружу и растеклись по языкам. Македонянин усмотрел кучу противоречий и начал копать сам, без разрешения Павсания, не имея никаких полномочий для дознания. Просто походил по городу и кое-кого поспрашивал. Когда всё взвесил, возникло у него подозрение, что к краже имеет отношение Эшмуназар, один из знатнейших и богатейших людей Библи. Родич Энила, предыдущего царя, ныне покойного. Чем обвинять такого, лучше уж сразу самому себе могилу вырыть. Ну и вот, похоже, действительно вырыл.

Утром следующего дня, едва только "встала из мрака молодая, с перстами пурпурными Эос", как говорил один слепой поэт, Антенор вылез из пифоса. Поёживаясь, побрёл в город по пустынной в сей ранний час дороге. Возле царских гробниц его окликнули.

– Господин!

– Кто меня зовёт? – огляделся Антенор.

- Господин, не ходи в город, тебя ищут.
- Кто ищет? Кто ты такой?

От серой стены отделилась тень. Македонянин прищурился, протёр сухие глаза, пытаясь разобрать черты лица. Наконец, ему это удалось. Тенью оказался провинившийся раб Гамил-Нинипа.

- Не ходи туда, господин. Тебе надо бежать.
- Это с какой стати? – удивился Антенор.

– Кто-то убил господина архифилакита. Все думают на тебя. В трупе нашли нож. Опознали, что твой.

Антенор побледнел.

"Твою же мать... А быстро тут у них..."

Он затравленно огляделся. Вокруг никого не было. Раб снова скрылся в тени.

- Стой! погоди! Как ты меня нашёл?
- Я не могу оставаться, прости, господин.
- Почему ты предупредил меня? – спросил Антенор, ещё тугο соображавший.
- Ты добрый, господин...

Мысли Антенора понеслись галопом.

"Как-то ведь нашёл. Знал, где нужно искать. Стало быть, и другие найдут. Что же делать-то? Поверить? Или пойти самому убедиться? Ага, там и скрутят. Того и ждут. Вот же сучье племя... Но каковы?! Зарезали не самого мелкого чиновника и ради чего? Ради коней эти сраных? Да не поверю ни в жисть. А вдруг бы всё вскрылось? Финикийская знать убивает людей Лагида. Да он тут камня на камне не оставит! Неужто настолько в своей безнаказанности уверены? Думают, будто Баала за бороду схватили? Что-то тут посерьёзнее творится, раз так осмелели".

Антенор развернулся и быстро зашагал назад, к морю. На корабль он без денег сесть не мог и потому всего лишь намеревался по берегу обойти городские стены и выйти на южную дорогу. К северу от Библа Триполь, там он уже был и знал, что снова идти туда бессмысленно. Ловить нечего. На востоке Ливан. С голыми руками в горах пропадёшь. Местные имеют склонность к разбойному промыслу, но пристать к ним не получится, это не киликийцы, чужака не примут. Оставалась одна дорога – на юг, где лежали крупнейшие богатейшие города – Берит, Сидон и Тир. Как-то там его судьба сложится? А какой у него выбор?

Сборы ему не требовались, всё имущество на нём, так вперёд. Вот только на этот раз шансы сдохнуть от голода резко повысились.

Антенор залез в складку пояса и вытащил обломанную тетрадрахму, повертел в пальцах, подкинул на ладони. Задумчиво покусал губу, разглядывая гордый рогатый профиль царя Александра. Эту монетку он нашёл в личных вещах Эвмена, когда Антигон разрешил им с Иеронимом забрать их. Монетка хранилась в небольшом кожаном мешочке в шкатулке с письмами, которые Эвмен спалил накануне сражения. Монетку оставил на месте. Может, просто не заметил. Теперь уже не узнать.

На мешочке иголкой была процарапана надпись – "Тот самый".

Глава 4. О том, как полезно знать ремёсла

Окрестности Сидона

Дорога лениво повторяла нехитрые изгибы береговой линии, временами скрывалась в тени рощ акаций и вновь выбиралась на простор. Хорошая дорога. Старая, как само время, за многие века утрамбованная до такой плотности, что случись на ней прорости какому-нибудь семечку, ростку пришлось бы пробиваться к солнцу, всё одно, что через камень.

Многое повидала дорога. Без счёта прошло по ней одиноких путников и торговых караванов. Помнила она немало ратей, что с давних времён хаживали по Финикии с севера на юг, с юга на север. Слышала многоязыкую речь десятков народов. В последнее время здесь всё чаще звучал эллинский говор. Неспешные беседы, за которыми коротали долгие стадии купцы и воины. Нередко – песни. Вот и сейчас сильный мужской баритон весело выводил на всю округу:

– Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:

Одну из хрюшки он щетинистой слепил –

Всё в доме у такой валяется в грязи,

Разбросано кругом, – что где, не разберёшь.

Сама ж – немытая, в засаленном плаще,

В навозе дни сидит, нагуливая жир¹⁹.

Ему подпевали ещё, по меньшей мере, три глотки:

– Другую из лисы коварной создал бог –

Всё в толк берёт она, сметлива хоть куда,

Равно к добру и злу ей ведомы пути,

И часто то бранит, то хвалит ту же вещь,

То да, то нет. Порыв меняется что час.

Сипло посвистывала флейта. Скрипели большие, взрослому мужу по пояс, колёса. Позвякивали бубенчики на шеях четырёх волов, тянувших две телеги, на которых восседало пять человек. Ещё трое шли пешком, причём один из них вёл в поводу коня. Замыкал процессию всадник верхом на осле.

Облик путники имели пёстрый. Двое в персидском платье и штанах-анаксаридах. Остальные голоногие, на эллинский манер, но обладатель ушастого "скакуна" – явно финикиец, из местных. Все бородатые, загорелые, одетые добротнo. Если не считать Антенора, который шёл рядом с запевалой и, будто позабыв печали и тяжкие думы последних дней, жизнерадостно вторил ему:

¹⁹ Автор – Семонид Аморгский.

– Иной передала собака вёрткий нрав.

Проныра – ей бы всё разведать, разузнать,

Повсюду нос суёт, снуёт по всем углам,

Знай лает, хоть кругом не видно ни души.

И не унять её: пусть муж угрозы шлёт,

Пусть зубы вышибет булыжником в сердцах,

Пусть кротко, ласково упрашивает он –

Она и у чужих в гостях своё несёт.

Попробуй одолеть её крикливый нрав.

Возница передней телеги, пожилой перс, в ухоженную бороду которого годы вплели немало серебряных нитей, не подпевал, однако прищур его чёрных глаз выдавал, что он всё прекрасно понимает и над словами песни про себя посмеивается. Сидевший рядом с ним муж, плешивый широкоплечий эллин лет сорока, улыбался и отбивал ладонями ритм по борту телеги.

Запевала безо всякого стеснения драл что есть мочи горло, "красуясь" брешью на месте одного из верхних резцов:

– Да, это зло из зол, что женщиной зовут,

Дал Зевс, и если есть чуть пользы от неё –

Хозяин от жены без меры терпит зло.

И дня не проведёт спокойно, без тревог,

Кто с женщиной судьбу свою соединил...

Куплетов в песне было много, ибо женский нрав, как известно, весьма разнообразен. Одну из жён Зевс вылепил из комьев земляных, другую из морской волны, третью из осла... Всех слов Антенор не знал и потому к концу песни просто трясся от хохота, спотыкаясь на каждом шагу.

– Ну и голосина у тебя, Репейник! Небось, в театре пел? – поинтересовался он у запевалы.

– Да где уж нам, сиворылым, – усмехнулся тот.

– В театре твоё рыло никому не видно и не интересно, – заметил плешивый, – надел маску и вперёд.

– Да не, это не моё, – с притворной скромностью ответил Репейник.

– А зря, – сказал плешивый, – я слышал, быть актёром почётно и денежно. Завсегда позовут на симпозион, жри там от пуза.

– Где-нибудь в Афинах, может и так, – сказал Антенор.

– Я яйца сырые не люблю, – заявил Репейник, – а их для голоса каждый день есть надо.

– Кстати, про жрат, – подал голос пожилой перс, – вечереет уже. Встават бы надо.

– Скоро будет постоялый двор, – ответил плешивый, – я тут бывал уже.

– То хорошо, – кивнул перс, – полба уже нэт мочи жрат.

Тот, кто насвистывал мотив, отставил флейту и сказал:

– Багавир, коли ты такой привереда, сходи в лесок, там мясо бегают, добудь.

– Старый ходы в лес, – сердито покачал головой перс, – ты молодой, сиды на задница. И стыда ни капли. Вот времена настали...

– Пошли вон Сахру, – пожал плечами флейтист, – он молодой.

Сахрой звали племянника Багавира, здоровенного детину нрава столь скромного, что македонянин с самого знакомства гадал, умеет ли тот говорить. Рот Сахра открывал лишь для того, чтобы занести туда ложку. Шириной плеч он мог посрамить Геракла, при этом выражение лица имел до того детское, что даже небольшая кудрявая борода не прибавляла ему возраст. Антенор решил, что лет парню не больше двадцати, а скорее меньше.

– Сахру? Он тебе принесёт мясо, да. Этот боров так будет сучьями трещать, что за парасанг²⁰ глухой услышит.

Уж на кого, а на борова Сахра точно не походил, однако на дядюшкино ворчание не обиделся, улыбнулся. Багавир ткнул его кулаком в мускулистое плечо и прошипел на родном языке:

– Чего ты лыбишься, дитя позора?

Тот смутился и потупил взгляд. Антенор пробежал взглядом по лицам остальных. Они на слова старика никак не отреагировали.

"По-персидски не понимают?"

Собственные языковые познания он обнаруживать не стал.

Старый перс, бывший большим любителем поесть, продолжал вздыхать, что сил никаких нет, месяц жить на одной полбе.

– Хватит ворчать, Багавир, – сказал плешивый эллин, сидевший на телеге возле старого перса, – в Сидон придём, отметим это дело. На рынке затаримся снедью, да закатим такой обед...

– Кто ж его закатыт? – скептически хмыкнул перс, – Ксантыпп, что ли? У него руки из задница растут.

– Ты мои руки не трожь, – обиделся флейтист.

– Зачем Ксантыпп? Ты сам нас удиви, – предложил плешивый.

– Э нэт, – возразил Багавир, – пусть он удивит. Его за язык никто нэ тянул.

Эти слова относились к Антенору. В первый же вечер, когда попутчики собрались поужинать, его гостеприимно пригласили к общему котлу. На следующем привале он, дабы отблагодарить этих людей, и, не имея иной возможности, вызвался и костром командовать и кашу сварить. А во время ужина развлекал всю компанию рассказами об удивительных блюдах, что бытуют на востоке.

– В Бактрии и Арахосии довелось мне попробовать пилав. Это такое... Словами не описать. Да ты, уважаемый Багавир, верно знаешь?

Старик покачал головой.

– У нас, в Лидии, такого нэт.

– Разве ты лидиец, почтеннейший? – удивился Антенор.

– Нэт. Прэдок пришёл в Лидию. С Курушем. Остался.

– Это они так царя Кира зовут, – шепнул Антенору Репейник.

– Я знаю.

– Ты дальше говори, – потребовал Багавир.

– Ну, так вот, – послушался Антенор, – варят этот пилав из мелкого белого зерна, что везут из Индии и продают за большие деньги. Зерно это там зовут брише, а в Бактрии беренж²¹.

²⁰ Парасанг – персидская мера длины, равная 5549 м.

²¹ В описываемое время рис на Ближнем Востоке ещё не выращивали. Он начал распространяться на запад из Индии

К нему добавляют баранину, шафран, айву, изюм. Пальчики оближешь. Человек считается богачом, если ест один только пилав.

Багавир цокнул языком.

– Э, парень, красиво говоришь. И сам такое приготовить можешь?

– Не могу. Где же я тут беренж возьму? А без него пилав не выйдет. Но я могу и другое приготовить. Увидишь, не хуже.

– Ты сказал. Смотри, нэ буд, как Худой. Он толко свистэт свой дудка может. А ты за слова отвечай.

Худым, как уже выяснил Антенор, они звали Ксантиппа. В основном за глаза, ибо тот обижался. Худобой он вовсе не отличался. Репейник, верно прочитав выражение лица нового попутчика, с улыбкой пояснил:

– Он не потому Худой, что худой, а потому, что не толстый. Был у нас в компании ещё один Ксантипп. Вот тот, что бочонок. Руками не охватить. Кашеваром у нас был, хотя и плотник неплохой. Конечно, не такой хороший, как я...

– Скорее, не такой пустозвон, – фыркнул плешивый.

– А сейчас он где? – спросил Антенор.

– Отпал от компании, – ответил Репейник, – женился.

– А вы, что, все неженатые?

– Не все, – сказал плешивый.

– Что до меня, – хохотнул Репейник, – то я в эти сети ни в жисть не попадусь!

И он снова затянул песню про нравы жён.

Знакомство с этими людьми стало для Антенора даром богов. Выйдя из Библа, он двигался быстро и к полудню нагнал два неспешно ехавших воза с шестью путниками. Поприветствовал. Те благодушно ответили. Слово за слово, завязался разговор. Люди оказались довольно открытыми, таиться от незнакомца не стали.

То были артельщики, ремесленники, ехавшие в Сидон на заработки. Старшим представился плешивый Аполлодор, сын Каллистрата, плотник-корабельщик из Китиона, что на Кипре. Он был моложе Багавира, но всеми признавался вожаком.

Следующий по старшинству после этих двоих – земляк Аполлодора, молчаливый Протей, сын Нитумбаала. По имени отца понятно, что финикиец. А что сам носил эллинское имя, так Антенор тому нимало не удивился – уж не первый десяток лет в "Стране пурпура" завелась такая мода, на всё эллинское.

Дион по прозвищу Репейник, родосец, был на вид ровесником Антенора. Прозвище своё, как в отместку поведал македонянину Ксантипп, Дион получил вовсе не за колючий язык и липучий нрав, как вначале подумал македонянин, а за страсть к лекарскому делу. Впрочем, все его познания в сём искусстве ограничивались одним единственным снадобьем. Всех он норовил лечить отварами из колючек и прикладыванием на больные места лопухов.

– Вот как от твоей стряпни запор случится, – не задержался тогда с ответом Дион, – тут-то я всех и спасу.

– Давай-давай, спаситель ты наш. Спасёшь, как Аполлодору волосы спасал? – хмыкнул Ксантипп.

– Обижаешь. Лопух от выпадения волос – вернейшее средство. Просто надо было ещё раз попробовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.